

Архивный отдел администрации города Заринска Алтайского края

О героях войны газетной строкой

МОЯ ВОЙНА. МОЯ ПОБЕДА!

Виртуальная выставка газетных публикаций с воспоминаниями ветеранов Великой Отечественной войны – жителей города Заринска и Заринского района

80 лет прошло с того времени, как закончилась Великая Отечественная война. Перевернулась одна из самых трагичных страниц истории нашей Родины XX века. Время все дальше и дальше уносит это событие в прошлое. Уходят свидетели тех героических лет. Рождаются новые поколения. Уже правнуки участников той войны изучают её битвы и сражения по учебникам, книгам и фильмам.

Но ведь правда войны - это не только сухие строчки из учебника истории про статистику потерь, направления ударов и важнейшие битвы. Это больше. Это глубоко личные переживания каждого, кто прошел через войну. Пережил каждый ее день. И уцелел. И победил.

«Окопная» правда, может быть, более горька, более жестока, но ведь военная жизнь состояла не только, даже не столько из побед. Были в ней и соленый солдатский пот, и кровь, и слезы, и страх, и юмор, и простые человеческие чувства... Обо всём об этом могут рассказать только сами фронтовики.

Сейчас, когда с окончания Великой Отечественной минуло уже восемь десятков лет, практически не осталось в живых ветеранов, но со страниц старых газет они по-прежнему глядят на нас и рассказывают свои истории. Из этих небольших по объему воспоминаний, опубликованных в разное время в нашей районной, а потом городской газете «Новое время», и складывается более полная картина освобождения нашей Родины.

Представляем вашему вниманию виртуальную выставку публикаций из газет, имеющих в научно-справочной библиотеке архивного отдела администрации города Заринска, с воспоминаниями ветеранов Великой Отечественной войны – жителей города Заринска и Заринского района

Авдеев Никифор

Евдокимович,

ветеран Великой Отечественной войны,
бывший узник концлагеря Бухенвальд

Новое время_1989_9 мая // Научно-справочная библиотека, № 49

В ПЛЕНУ ДУХ ВОИНА НЕ СЛОМЛЕН

Никифор Евдокимович Авдеев — ветеран Великой Отечественной войны, родился в 1921 году в с. Нодраченино Сорокинско-го района. В 1940 году Никифора Евдокимовича призвали в армию. Служба проходила на Украине, в г. Каменец-Подольске. Здесь же началась для него война.

27 мая 1942 года под г. Гайсен Харьковской области после тяжелого ранения не смог уйти вместе со своими и попал в плен к фашистам.

«Сначала, — вспоминает ветеран, — отправили в Харьковскую тюрьму, а затем в г. Полтаву. После этого — в г. Каменец-Подольск, а уж только потом в Германию».

Ехали в вагонах, предназначенных для скота: спали на железном полу, покрытом только соломой. Их отправили в Бухенвальд, а затем в другой концентрационный лагерь — Люхенвальд.

Советские военнопленные находились в страшных условиях: носили деревянные колодки, ноги были истерты в кровь. В концлагерях была полнейшая антисанитария. Коридоры раз в сутки одной

баландой, состоящей только из мерзлого картофеля и иногда сушеной брюквы. А если давали хлеб, то он состоял наполовину из опилок. Каждое утро в казарму приходили смерти-ники, убрали трупы. Были случаи, когда вместо трупов ложились здоровые люди и таким образом оказывались за территорией концлагерей.

Однажды Никифор Евдокимович и еще четверо друзей пытались бежать, но их поймали после 42 дней, проведенных на свободе, и отправили в другой лагерь.

«Угоняли нас, когда едва начинало светать, а пригоняли уже затемно. После такого трудового дня валились с ног. И так каждый день». Никифор Евдокимович и еще трое военнопленных опять совершили побег.

— Очутившись за пределами территории концлагеря, первое, что мы сделали — это сбросили свои лагерные номера, так это была самая веселая улика. У меня был 2852 номер. Такое не бывается. В одной из деревень несколько дней нас укрывала в своем доме добрая немка. Хотя она

знала на что идет, но тем не менее не бросила нас на улице. Уходя, мы оставили ей бумагу о том, что она предоставила ночлег советским военнопленным. В письме содержалась просьба к советским военным, которые будут освобождать эту землю, оказать ей содействие, — вспоминает Авдеев.

Потом встретились с поляками, которые шли на работу в одну из деревень и одолжили им одежду. «Так и дошли до своих», — говорит Никифор Евдокимович.

Из-за плохого физического состояния, вызванного холодом, постоянным недоеданием в лагерях, его не брали на службу, но он остался по своему желанию и продолжал вбевать. Участвовал в освобождении Будапешта, Праги. Войну закончил в Австрии. Демобилизовался и вернулся в родное село.

В 1967 году приехал на станцию Заринская, где и живет по сей день. Здесь работал на элеваторе. Отсюда в 1975 году его проводили на заслуженный отдых.

Поисковая группа школы
№ 1.

руки и не знаешь, что делать: или сразу все съесть, или растянуть удовольствие.

А в сорок втором случилось мне получить тяжелое ранение в руку и в бедро, так меня в госпиталь на Фонтанке и отправили. Но рана тяжелой оказалась, так что переправили в Рыбинск. Полгода и пролежал в госпитале. Подлатали меня и отправили на гражданку, да еще и по инвалидности, рукой-то и до сих пор плохо управляю.

А куда было ехать? Сам с Украины, так в сорок третьем, когда меня вышатали, она еще под немцем

была. Подошел я к карте, подумал и решил ехать в Сийбры. Чем черт не шутит, может и прижизусь, думал тогда, и не ошибся, оказалось.

Приехал в Бийск, военкомат квартиру выделил, работу без груза нашей мужским-то рук не хватало. Агентом по заготовке продуктов устроился. Ездил по селам, деревням, колхозам, доставал продукты, зерно. Дослужился до заместителя начальника МТС.

А в пятьдесят третьем оказался случайно в Заринске, только тогда и города не было — Чумышская складная контора. Поставили заведующим нефтебазой. ...Так временно и пробыл до семидесяти второго — ушел на пенсию по инвалидности, первую группу определили — дают о себе знать фронтовые «награды».

Михаил Иванович умолок, подошел к концу довольно длинный монолог. «Пора и честь знать — подумала я, — тяжело ведь ему, отдохнуть надо».

— Спасибо большое за рассказ. Здоровья вам я еще раз здоровья, — попросилась с интересным собеседником.

— Вам спасибо, — ответил он, — не забывайте о нас, стариках.

Я вышла на улицу со смешанным чувством удовлетворения от состоявшейся беседы и горечи за современное поколение молодых людей. Большинство молодых с небольшим интересом относятся к истории войны и к людям воевавшим. Неужели они, наши ветераны, кровью, потом, слезами, а то и жизнью не заслужили почтения, понимания и элементарного уважения? К старикам? А сколько бы вы, с умной улыбкой глядя на них, бывших воинов-защитников, вот так, по первому зову, пойти на защиту родной земли? Без громких фраз о гражданском долге мужчин?

Ю. БАХМЕТЬЕВА.

Атаманюк Михаил Иванович,

старший сержант 19-го Краснознамённого стрелкового полка, участник прорыва блокады Ленинграда

Рис. 4

К 50-летию

снятия блокады Ленинграда

„Много наших полегло,

да не зря“

1942 год. Занимается раннее утро. Медленно пробуждается ото сна город Ленинград. Блокада. Как много говорит это слово. Не снята еще смертельная угроза, не перестали умирать от голода люди, через Ладугу день и ночь, преодолевая нечеловеческие муки, везут и везут в город хлеб, из города — живых и раненых, не перестают бомбить вражеские самолеты.

Фонтанка. Здесь находится госпиталь, берегут его, как зеницу ока. Ведь там столько раненых, беспомощных. Но что это? Ужасный, нарастающий с каждым мгновением рев моторов. Неужели опять бомбежка? Не пожалейте злой рок войны на этот раз приближение для искалеченных войной, полонотакти два заряда в здание, да еще в самый центр. Ломая потоки, пролетела одна бомба аж до 3 этажа, но, к счастью, не взорвалась, так и осталась лежать посреди огромной одиннадцатиметровой палаты. Среди тех счастливых был наш собеседник Михаил Иванович Атаманюк.

— На войне я оказался с самого первого часа. Как раз приходил в срочную службу в стрелковом полку. А первые бомбежки застали меня в Лигве, Шауляе, на границе. Подняли нас в 4 часа утра по тревоге, паника, никто ничего не может уразуметь, а вокруг — настоящий ад самолетов, целыми эскадрильями бомбит — света белого не видно, снаряды взжигательные...

Сколько сумели, продержали оборону. А что мы могли? Ведь у нас кроме саперной лопаты почти ничего и не было — по одной ленте патронов дали... В первый же день на тридцать километров отступили. Сколько народу полегло, вспомнить страшно, особенно в первые дни — опыта ведь никакого.

Михаил Иванович пока-

зал фронтовые фотографии.

— Вот здесь мы с другом мном лучшим.

Пожелтевшая от времени карточка: два молодых улыбающихся солдата.

— Вы тут в старой форме? — с удивлением сказала я.

— Так это в самом начале войны было, зато у меня уже нашивки старшего сержанта! — с гордостью сказал мой собеседник. — Вот только каюль в проклятой этой войне дружок мой. Сколько писал, запросы делал — все впустую. Так до сих пор и не знаю, что с ним стало.

— Отступать-то мы отступали, — продолжал он, — но все равно жару фашистам хорошего давали. Около Рыги дело оборону держали, много там наших полегло, да не зря, за них мы сполна отплатили. Первый год войны самый тяжелый был. Оружия не хватало, в опыте, спорозке воинской еще не подтягивались. Так и отгеснил нас немцы и Ленинград, ушел с боями от Гатчины до Пскова, отгуляло до Пушкина. Стоя! Дальше некуда! Это же двадцать пять километров от Ленинграда. Так нет, не до конца, видно, выпили задушу поражения — выбили нас оттуда, и где-то в первых числах сентября окзались в городе на Неве.

Наш девятнадцатый Краснознаменный полк зашищал Синявское направление и северную железную дорогу. Вся блокаду я стоял на этой рубеже. Ох, и зима лютая выдалась, в рубашке я родился поди, что не замер там вовсе. Голодно было: в день два маленьких сухарика давали, грамм двести изверное. Возьмешь, бывало, это сокровище в

«Фронтовая молодость моя»

лица: Готовили нас тогда быстро, по жесткой программе.

После учебки попал в пятый мотострелковый батальон.

Первые бои приняли под Ржевом. Потом Западная Украина, Польша, Румыния, Германия.

...бои шли на подступах к Варшаве. Перед нами растянулось чистое поле, которое мы никак не могли проскочить, потому что напротив засели фашистские пулеметчики и не давали поднять головы. Несколько раз пытались их задавить, но безуспешно. Тогда Николай Трофимов, смелый, находчивый солдат, сказал: «Есть идея, попробую». Используя небольшие лощинки, возвышенности, которые неизменно встречаются даже на ровном поле и которые годятся, чтобы хоть как-то прикрыть одного человека, он пополз к дзотам. Ему этот маневр удался; когда оставалось до вражеских пулеметчиков совсем немного, дал длинную автоматную очередь. И сразу бросился вперед, к дзоту, словно чувствовал, что пулемет снова заработает, но уже был вне досягаемости огня. Переждав мгновение, он спрыгнул в дзот и сумел не только обезоружить пулеметчиков, но и взять их в плен. Пока с ними возился, мы уже рванулись вперед. Николай Трофимов за эту «идею» был награжден орденом Славы третьей степени.

Василий Фирсович БАЕВ. Война началась для него и его товарищей по Сорokinской средней школе в день выпускного бала. Десятиклассники сорок первого. Тяжелая досталась им доля. Все 12 ушли на фронт.

А после войны Василий Фирсович избрал для себя самую мирную и добрую профессию на земле — стал учителем сельской школы.

— Война. Мы, только что получившие аттестаты зрелости, еще не знали, что это надолго, что несет она незабываемые потери. Одно у нас было — огромная любовь к своей Родине, неизменная вера, что мы победим.

Но меня сразу не послали на передовую, встал я курсантом военного учи-

Это были долгие годы нашего мужания, нашей фронтовой молодости.

Баев Василий Фирсович,

командир батальона 5-го отдельного гвардейского Краснознаменного ордена Суворова полка

Новое время_1985_23 февраля//Научно-справочная библиотека, № 53

ФРОНТОВОЕ БРАТСТВО

Теперь не верится, что он, сорокинский парнишка, отшагал столько верст и лет, освобождал русские, немецкие, румынские, польские города от фашистской нечисти. В тяжелый для нашей Родины час сразу после веселого и грустного выпускного вечера в школе он был призван на службу в Армию. И вскоре Василий Фирсович Баев — курсант Сретенского военно-педагогического училища. Учеба, затем фронт. Эшелоны уходили на запад. Набегали пол километра. Там, впереди выдала в огне пожарная завихренная врагом родная земля. В тылу оставались старики, как-то в напряженном ожидании женщины, старшие, как-то враз повзрослевшие дети. Сердце переполнялось уверенностью в скорой победе, гневом и ненавистью к врагу.

Под Ржевом младший лейтенант В. Баев получил свое первое боевое крещение. Шли тяжелые бои, их танковая бригада отходила, несла огромные потери.

Сколько их потерь, еще будет у парня из Причумышья Василия Баева? Будут раны окружения, когда он, истекающий кровью, почти лишенный возможности взаимного ранения обеих ног и руки двинуться в томительной безвестности, ждал помощи.

Будут награды: медали «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За отвагу», ордена Великой Отечественной войны I и II степени, ордена «Красного знамени», будет не проходящая в годах боль потерь фронтовых друзей и ликующая радость победителей...

Отгремели залпы второй мировой. Гулкое эхо унесло их в неведомые края.

Василий Фирсович более 30 лет занимается мирным делом — учит детей. Учит историю, а теперь и патриотизм, любовь к родной земле. Память человека, прошедшего горнило войны, хранит немало интересных событий. Он создал у себя в школе музей Боевой Славы, где вместе с пионерами ведет поисковую работу, по крупным фактам собирает и восстанавливает факты незаметного мужества и героизма своих земляков.

Василий Фирсович держит крепкую связь с однополчанами. Он является председателем Совета ветеранов 238 отдельной танковой бригады. Сейчас идет полным ходом подготовка к встрече 40-летней годовщины победы над фашизмом... Давно на полях дивущихся боев коловатая хлеба, и

только вечные огни, скорбные гранитные монументы на местах бывших сражений, да выкованные в бронзе имена павших напоминают о войне.

Память о войне. Чем дальше в историю уходит это грозное время, тем бережнее хранят солдатские сердца дни фронтового братства. Годы не разъединяют, а только теснее сплачивают боевых товарищей, испытанных огнем и санином.

Василию Фирсовичу недавно исполнилось 60 лет. На праздник к юбилею, бывшему командиру батальона, съехались фронтовые друзья, среди них бывший ординарец, Ржаной Борис Ефетафьевич, вынесший в 1945 году из окружения раненого Василия Фирсовича.

В селе Верх-Камышенка состоялась встреча гостей с ветеранами войны и труда, колхозниками. Живое общение, рассказы о суровых буднях войны впила еще одну страницу в историю школьного музея, как яркий пример фронтового братства.

Н. КАЛУЖСКАЯ,
корр. «Новое время».

На снимке: ветеран войны и труда учитель Верх-камышенской средней школы Василий Фирсович Баев.

Новое время_1982_14 августа//Научно-справочная библиотека, № 51

Баранов Александр Дмитриевич,

лейтенант, начальник узла связи 372-й стрелковой дивизии
2-й ударной армии Волховского фронта

ПРОРЫВ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

ЗДЕСЬ СРАЖАЛИСЬ НАШИ ЗЕМЛЯКИ

Операция по прорыву блокады Ленинграда вошла в историю Великой Отечественной войны как одна из героических страниц в боевой летописи славной Красной Армии, как героический подвиг бойцов и командиров наших вооруженных сил в борьбе с фашистскими захватчиками. Александр Дмитриевич Баранов был участником этой битвы. Будучи начальником узла связи и секретарем парторга батальона, А. Д. Баранов обеспечивал управление войсками всеми средствами связи. За выполнение боевых заданий командования в этой операции он награжден орденом Красной Звезды. В операции по прорыву блокады Ленинграда принимали участие многие наши земляки. Ниже мы печатаем воспоминания А. Д. Баранова.

22 июня 1941 года на нашей земле разразилось грозное пламя войны. Кровавый путь фашистских войск был отмечен заревами пожаров, трупами развалин, трупами сотен тысяч советских людей. 8-го сентября 1941 года гитлеровцы блокировали крупнейший в политическом, промышленном и культурном отношении центр Советского Союза, колыбель Великой Октябрьской социалистической революции, город Ленинград.

Созданная для захвата Ленинграда 18-я фашистская армия имела в своем составе более 25 вооруженных до зубов дивизий, должна была выполнить чудовищный приказ Гитлера «стереть Ленинград с лица земли». Гитлеровцы 18-й армии находились у стен Ленинграда, а ее тылы на территории Ле-

нинградской и нынешних Новгородской и Псковской областей.

За шестнадцатимесячный срок блокады враг самый уязвимый Шлиссельбургско-Синявинский участок кольца блокады превратил в мощный полевой укрепленный район с разветвленной системой различных инженерных сооружений, противотанковых и противопехотных препятствий. Сплошные минные поля и болота обширных Синявинских торфоразработок, изрезанные глубокими каналами, непроходимые для тяжелой артиллерии и танков, усложняли оборону врага.

Гитлеровское командование неоднократно торжественно заявляло о несподожимости позиций, созданных южнее Ладожского озера на Шлиссельбургско-Синявин-

ском выступе, который отделял Ленинградский фронт от Волховского лишь пятнадцатью километрами. Преодолеть это расстояние было нелегкой задачей. Прорыв столь прочной, заранее подготовленной фашистской обороны требовал от солдат огромного физического и морального напряжения, воинского умения, большого искусства от командного состава. Войскам Ленинградского и Волховского фронтов предстояла сложная и трудная операция — первый в Отечественной войне прорыв сильно укрепленной обороны противника.

По указанию Ставки Верховного Главнокомандования для прорыва блокады были образованы две ударные группировки. Со стороны Волховского фронта в составе 2-й ударной армии и Ленинградского фронта в составе 67-й армии.

Развернулась большая подготовка для прорыва блокады. На участках прорыва было сосредоточено большое количество орудий и минометов; со стороны Ленинградского фронта 140 орудий и минометов на один километр фронта, а во второй ударной армии Волховского фронта 160 орудий и минометов. Авиационное обеспечение

прорыва поддерживалось девятьюстами боевыми самолетами. С личным составом войск ударных группировок отработывались наступательные действия по прорыву сильно укрепленной обороны противника. Накануне наступления в частях и подразделениях состоялись партийно-комсомольские собрания с вопросом «Задачи коммунистов и комсомольцев в бою».

Прибывший для координации боевых действий обоим фронтам представитель Ставки Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов беседовал со многими бойцами и командирами.

Долгожданное наступление началось 12 января в 9 часов 30 минут. Более четырех с половиной тысяч орудий и минометов обрушились на врага лавной стали и огни. Вслед за огненным валом войска ударных групп устремились в атаку. Радостное возбуждение охватило бойцов. Они, разгориченные, в одних гимнастерах действовали споро, быстро, с подлинным вдохновением, каждый снаряд напугивал врага возгласами: «За город Ленина», «За Родину!» Огненный ураган чудовищной силы бушевал

над вражескими укреплениями. Пленные фашисты заявляли: «Это был кошмар, это был суицид», охвативший паниковой отборные части гитлеровцев, которые имели приказ любой ценой удержать опорные пункты своей обороны.

Гитлеровцы дрались упорно и яростно, но героям советских бойцов, помноженный на хорошую выучку, одержал победу. В первый день наступления войска обоим фронтам, овладев на отдельных участках первой позицией вражеской обороны, создали условия для дальнейшего продвижения. К исходу дня 14 января войска Ленинградского и Волховского фронтов находились в двух километрах друг от друга. С 15 по 17 января войска обоим фронтам продолжали отбивать у гитлеровцев отдельные опорные пункты, постоянно продвигались навстречу друг другу, с попытками расширить прорыв в сторону Лаптов.

Части 372 стрелковой дивизии при поддержке танков 15 января после тяжелых боев овладели рабочим поселком № 8. Гарнизон противника, не желавший сдаваться, в бою был почти полностью уничтожен. К 17

января полки дивизии вышли на подступы к рабочему поселку № 1. 18 января в районе этого поселка части 123 стрелковой дивизии ленинградцев соединились с первым батальоном 1240 полка 372 стрелковой дивизии волховчан.

Солдаты обнимали друг друга, у многих по усталым, обветренным лицам катились слезы. Участники встречи пожелали, чтобы этот памятный день был запечатлен навечно и тут же составили акт о встрече двух фронтов 18 января 1943 года в 9 часов 30 минут.

18 января была добита окруженная фашистская группа в городе Шлиссельбурге, очищено от врага южное побережье Ладожского озера. Создался коридор шириной 8—11 километров, по которому Ленинград получил прямую сухопутную связь со страной. Вражеская блокада, долгое время душившая город, была прорвана героическими усилиями воинов Ленинградского и Волховского фронтов.

Бои за прорыв блокады отличались массовым героизмом и самоотверженностью советских воинов. Образцы самоотверженности и мужества всюду показывали политработники и коммунисты. Они шли впереди.

Входившая в ударную группу 372 стрелковой дивизии 2-й ударной армии Волховского фронта была сфор-

мирована в г. Барнауле и состояла в основном из воинов с Алтая. В ней было очень много бойцов и командиров из Сорокинского района. Это Горяйнов Саша и Плотников Нестер из Гришиной, Янчук Ф. П., Прокопенко Н. Г. и Власов Родион из Хмелевки, Буторин и Симентин из Сосновки, Стаценко А. М., Живтобрюх М. В., Мельников В. И., Саков В. А., Власов П. З. и Нестеров И. С. из Сорокина, Боков И. А. из Гонишки и многие другие мои однополчане.

Никогда в моей памяти не забудется героизм, проявленный комиссаром батальона сорокинцем Нестеровым Ивановым Семеновичем, который шел в передовых рядах на штурм укрепленного сопротивления противника, был тяжело ранен четырнадцатью пулями и осколками, отказался от медицинской лека неподвижно, хриплым голосом подавал команду: «Вперед, на штурм!» Политрук, старшина Мельников В. И., находящийся с пулеметным расчетом в дотла сожженном фашистами с. Гайтолово командовал пулеметным расчетом. Расчет весь погиб. Политрук Мельников, тяжело раненный, отражал бешеный натиск фашистов до подхода пополнения.

Комсорт 124 полка 372 дивизии Живтобрюх Михаил Васильевич, погибая, произнес последние слова: «Вперед, за Родину!». Долгов

Иван Акимович из Шпятина, Артемьев Нестер Иванович и другие связисты при шквальном артиллерийском и пулеметном огне держали и обеспечивали надежную работу всех средств связи.

Прокопенко Н. Г., Воронин П. М., Пинегин Гоша, Стаценко А. М. и другие артиллеристы прямой наводкой добились уцелевшие огневые точки противника.

К большому сожалению, многим моим однополчанам не суждено было дожить до полного разгрома фашистской Германии. Они, сражаясь за Родину, погибли смертью храбрых.

В боях по прорыву блокады с новой силой проявился массовый героизм советских воинов. Около 19 тысяч солдат и офицеров за эти бои были награждены орденами и медалями, 26 воинам присвоено звание Героя Советского Союза.

Прорыв блокады Ленинграда высоко оценен всеми народами мира, он ослабил фашистский блок, укрепил веру советского народа в близость полной победы над врагом, воодушевил свободлюбивые силы оккупированных стран на еще более решительную борьбу с фашистскими захватчиками.

А. БАРАНОВ, участник боев по прорыву блокады Ленинграда, лейтенант в отставке.

Сельская новь_1972_18 января // Научно-справочная библиотека, № 43

Белоногов Тихон Ананьевич,

артиллерист, Гвардии рядовой

КАВАЛЕР ОРДЕНОВ СЛАВЫ

Четыре года шел дорогами войны гвардии рядовой Тихон Ананьевич Белоногов. Не один раз вырывали его из рядов наступающих фашистские пули. В полной мере испытал Тихон жгучую боль медленно заживающих ран. Но молодой организм брал свое. Солдат снова возвращался в строй.

Родина высоко оценила ратные подвиги отважного воина. Его грудь украсили ордена славы II и III степеней. Один из них Тихон Ананьевич получил через 20 лет после тех грозных дней. Ему также вручены медали «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией».

Сейчас, вот уже 20 лет, бывший фронтовик трудится на Заринском рейде Чумышской славконторы. В последние два года работает электропильщиком на разделке древесины.

За высокие производственные показатели, честность и добросовестность ему присвоено высокое звание ударника коммунистического труда.

Сельская новь_
1970_21 февраля //
Научно-справочная
библиотека, № 41

Сельская новь_
1975_5 июня //
Научно-справочная
библиотека, № 46

Рядовой Великой Отечественной...

Чередомной сидит человек с мужественным лицом, загорелом на весеннем ветру, руки твердые, большие. Тихон Ананьевич Белоногов рассказывает.

Родился в Шпагинно. Когда исполнилось 8 лет, пошел в школу. Желание учиться было, но не пришлось, так как отец ослеп, мать была больна, надо было кормить семью. Не окончив 4-х классов, он вступает в колхоз «Политотдел», где работает на разных работах.

Вестие о начавшейся войне встретил с болью в сердце, хотя был молодым 19-летним парнем. В ноябре 1941 года был призван на фронт. Служил вначале в пехотных частях, а затем в последние время в артиллерии.

Трудно бывшему участнику Великой Отечественной войны вспомнить о прошедших годах, но надо это делать, чтобы знало молодое поколение о подвигах дедов, отцов, братьев, сестер.

Первую боевую награду получил за овладение стратегической дорогой в районе города Любава, что расположен в Прибалтике. Этот бой и сейчас во всех деталях помнит Белоногов.

Поздней ночью 1944 года командование полка подобрало 76 человек с целью прорыва обороны немецких войск у этой дороги, которая была необходима советским войскам для подвоза вооружения, боеприпасов, питания. Во главе со старшим лейтенантом тренировались ночью, а днем отдыхали. Так было три ночи. А затем нашей штурмовой группе дали команду наступать после 40-минутной артподготовки. Подступы к дороге немцы заминировали, и нам пришлось наступать в невероятно трудных условиях, но наша группа не дрогнула и с помощью артиллерии и других войск овладела этой дорогой.

За взятие города Кенигсберга рядовой Белоногов Тихон Ананьевич награжден медалью, которых у него пять.

Закончил войну Тихон Ананьевич на Земландском острове, откуда предварительно выбит хорошо вооруженную группировку немцев. Долго грохотала канонада, но все же немцы перестали сопротивляться, на острове стало тихо, а через несколько дней в Берлине — цитадели фашизма — водрузили солдат Красное Знамя, возвещающее миру о полном поражении фашизма. Так закончилась война для рядового Советской Армии Белоногова Тихона Ананьевича.

Воин вернулся с фронта к мирной жизни в родной колхоз «Политотдел». Сейчас на месте бывшего колхоза находится Шпагинское отделение совхоза «Сибирские огни».

С осени 1950 года Белоногов работает на Заринском лескомбинате, и осенью 1975 года он будет отмечать 25-летие своей непрерывной работы на этом предприятии.

Ветеран войны и труда имеет много трудовых правительственных наград: орден «Знак почета», юбилейную медаль в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, знаки победителя соревнования 1973 и 1974 годов. Он носит заслуженно звание ударника коммунистического труда, которое ежегодно подтверждает. Много у него Почетных грамот, благодарностей. В ноябре 1974 года раскряжевик хлыстов Белоногов Тихон Ананьевич выполнил личную пятилетку: из плана раскряжевать 80 тысяч кубометров он раскряжевал 84 тысячи. В настоящее время Белоногов трудится в счет 10 пятилетки, на его трудовом календаре уже июль 1976 года.

Скромный, трудолюбивый Тихон Ананьевич несет трудовую вахту на благо нашей Родины, укрепляя ее могущество.

А. АЛЕКСАНДРОВ,
р. п. Заринская.

Белоусов Кузьма Яковлевич,

миномётчик, заряжающий 120-миллиметрового миномёта

МУЖЕСТВО ЗНАЕТ ЦЕЛЬ

ОЧЕРК

Н. СТЕПАНОВ.

Август 1941 года. Европа пылала в огне второй мировой войны. Пал Брест. Немцы рвались к Москве, кованный сапог и свастика распоряжались на Украине и Белоруссии.

Кузьма Яковлевич Белоусов знал об этом только из сводок Совинформбюро. Ему было обидно, что его, здорового мужчину, до сих пор не берут на фронт.

Но вот, наконец, повестка. Простенькая, маленькая бумажка с лаконичным: «Явиться в Сорокинский РВК... Иметь при себе...»

...Поезд уходил все дальше и дальше на Запад, оставляя позади необъятные сибирские просторы, родную Жуланиху, колхозные поля, разбросанные по холмам, синие туманы по утрам над реками и озерами, необыкновенно яркие звезды. «Прощай, Алтай», — стучали колеса вагонов. «Врете. До свидания! Я вернусь еще. Попашу землю. Вот только прогоню гитлерюгу прокля-

того и вернусь», — думал Кузьма Яковлевич...

Боевое крещение. Все, кто воевал, прошли через это. Было оно и у заряжающего 120-миллиметрового миномета рядового Белоусова. До конца жизни будет он помнить свой первый бой за деревню Большие Пожары. Воздух вздрагивал от грохота орудий, горела и стонала земля от разрывающихся снарядов, матерились раненые, надежались санитары, унося их с поля боя. И только убитые, молча упав на мерзлую землю, обхватив ее в последнем помысле, лежали безучастные ко всему. Но именно это их безучастие звало живых мстить, не отдавать Родину на поругание.

Фашисты лезли молча. Им во чтобы то ни стало надо взять деревню, ставшую еще одним препятствием на пути к Москве. Атаки захлебывались одна за другой. Поле перед минометной батареей было черно от трупов. Резанул по сердцу чей-то крик:

— Братцы! Не отступайте. Хватит сражаться. Сколько земли то отдали!

Кричал пожилой солдат, смертельно раненый осколком в живот. Деревню тогда не сдали. Но здесь в первый раз смерть глянула в лицо солдату-сибиряку.

Потом Кузьму Яковлевича отозвали в другую часть ружейным мастером. Пригодились на фронте золотые руки сибирского крестьянина, цепкий ум и сметливость. Ездил он по частям, чинил испорченное оружие.

Однажды, когда шел тяжелый бой за город Ржев, ехал Кузьма Яковлевич с помощником на машине в одну из частей. Уже были близки к цели, но неожиданно попали под бомбежку. Успели выскочить из машины и в нее тут же угодила бомба. Шофера и помощника убило, а под ноги убегающего в безопасное место Кузьма Яковлевича упала бочка с бензином и разорвалась, обдав его с ног до головы жидко-

стью. Факелом вспыхнул солдат. Огонь безжалостно лизал руки и лицо. Смерть замахнула косой, ехидно оскалив зубы...

Очнулся в санбате. Госпиталь. Пересадка кожи. Бесконечные уколы, которые вернули его снова в строй. И уже рядовой стрелкового полка шагнул к стенам Сталинграда на новые испытания, более тяжкие...

Сталинград. В битве за этот славный город принимало участие более двух миллионов человек, 300 тысяч орудий, несколько тысяч самолетов. Пехотный полк, где служил Кузьма Яковлевич, был одной из ударных частей, отстаивающих Сталинград. Фашисты уже находились в одной половине города. Полк получил приказ выбить их.

Уличные бои. Сколько неожиданностей таит в себе каждое окно дома. Атаки захлебывались в самом начале.

Снарядам уже, казалось, некуда было падать. Простреливался каждый метр земли. Ру-

шились дома, погребая под собой солдат. Один снаряд разорвался рядом с Кузьмой Яковлевичем. Отброшенная саперной лопаткой рука стала удивительно легкой. «Где же лопатка?», — подумал Кузьма Яковлевич. Пошарил рукой по земле. Резкая боль. «Ранило», — подумал он. Поднял руку с земли, посмотрел на нее, и ужаснулся... Кисти не было. Только один мизинец остался, как будто воткнутый в наискось отхваченную ладонь.

Отполз за здание. Там лежал молодой солдат, стреляя вдоль улицы. Кузьма Яковлевич подполз к нему.

— Другок, помоги, — попросил Кузьма Яковлевич и показал руку. Глаза у паренька округлились.

— Да не бойся ты, дурачок. Недавно на фронте, на верное. Отрежь остатки до сустава.

Парень достал нож. Перетянули руку, чтобы не так было больно. Молодой солдат резал остаток кисти. В глазах Кузьмы Яковлевича помут-

лось.

— Не могу, — еле выговорил парень.

— Режь... — хрипло выдал и себя Кузьма Яковлевич. Тупым ножом еле перепилили сухожилие. У солдата нашелся бинт. Замотали руку. Глоток спирта и Кузьму Яковлевича окутал туман сна.

Очнулся от разрыва снаряда. Недалеко дымилась взрыленная земля. Откуда-то подползли еще несколько человек.

Девять дней сдерживал полк натиск немцев. Девять дней одорукий солдат стрелял по ним из автоматов.

Потом неожиданно тишина. Ходили во весь рост офицеры, отдавая приказы. До Кузьмы Яковлевича донеслось:

— Кто может идти, выходите на окраину города.

Собрались у железной дороги. Только шестая часть осталась от полка. И многие из них — ранены.

Поезд вез Кузьму Яковлевича от фронта. Госпиталь в городе Камышине, потом —

в Прокопьевске. Больше года только госпитальная койка, да едкий запах наркоза. Лишь 1 декабря 1943 года пришел солдат домой с шестью боевыми наградами. Трудно было первое время. Постепенно приловчился работать одной рукой.

Шли годы. Память постепенно стирала дни войны. Многие забылось. Но раны, которые врезались в сердце, до конца дней своих будут помнить Кузьма Яковлевич. Не выбросить из памяти тысячи погибших мирных жителей окровавленных солдат, на смерть стоявших на защитной родной земли. Не забыть тогдашнего мальчика, раздавленного немецким танком. Но не помогли фашистам ни снаряды, ни танки, ни жестокость. Непобедим тот народ, который однажды познал счастье свободы. И пока есть русский человек с его мужеством и храбростью, пока живут такие, как Кузьма Яковлевич, — быть России свободной.

с. Жуланиха.

ПРОШУ ОТПРАВИТЬ НА ФРОНТ

В грозном 1943 году девятнадцатилетняя девушка Юлия Белоусова переступила порог военкомата и просто сказала: «Прошу отправить на фронт». Просьбу девушки удовлетворили. Скоро она уже изучила устройство автомобиля. Но не пришлось Юлии водить машину.

Военная судьба привела ее в штурмовую авиационную дивизию. Пришлось осваивать профессию телеграфистки. Прошло немного времени, и Юлия старательно передавала всевозможные приказы, сообщения, сводки о ходе боевых действий и многое другое. Так началась для нее беспокойная фронтовая жизнь.

На земле фашистской Германии услышала Юлия радостную весть о победе над лютым врагом.

В настоящее время Юлия Павловна Белоусова живет в Тягуне, работает счетоводом-кассиром в рельсосварочного

конторе поезда.

В праздничные дни на ее груди можно увидеть боевые медали «За победу над Германией», «За взятие Кенигсберга», «За боевые заслуги».

Белоусова Юлия Павловна, телеграфистка штурмовой авиационной дивизии

Сельская новь_1970_5 марта // Научно-справочная библиотека, № 41

Бондаренко Иван Семёнович,

артиллерист, наводчик пушки-гаубицы артиллерийской дивизии прорыва

К 25-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОВЕДЫ

ГЛАВНАЯ НАГРАДА

По радио передавали концерт для ветеранов войны. Звонкоголосый мальчишка, придав голосу суровое выражение, читал стихи:

...А на лафете грозного оружия

Простой солдат в бессмертье выезжал...

Иван Семенович сидел, задумавшись, у репродуктора. Вспомнились военные годы, молодость. Тогда он, простой сибирский парень, как и многие тысячи других, надел солдатскую форму и пошел защищать Отчизну.

Долог путь солдата до победы, трудны и опасны дороги. Иван Семенович прошел семь фронтов: Карельский, Брянский, Воронежский, Степной, 1, 2 и 4 Украинские. Лицом к лицу со смертью. Сколько раз это было на каждом фронте, в каждом бою? Судьба была благосклонна к солдату.

— Боялись меня пули, — рассказывает Иван Семенович. — В батарее нас было девять человек. Помню, на Курской дуге жарко пришлось нам. В расчете мы остались двое, мой напарник ранен, а немцы прут. Думал, конец. В горячке боя не заметил, как упал заряжающий, обессилев. Вскоре бой закончился. Сел на ящик и горько заплакал. Кругом убитые, а у меня ни одной царапины.

Четыре года войны. Со своей пушкой-гаубицей в составе артиллерийской дивизии прорыва шел по ним солдат Щуплый, недоедавший, недосыпавший, телом своим закрывал родную землю. Часто в перерывах между боями вспоминал солдат родные места, село Верх-Жилино на Алтае, где рос, работал, сеял хлеб. И в

бою, посылая снаряд во врага, шептал:

— За землю! За отнятый покой! За слезы!

Во многих битвах участвовал Иван Семенович. Бои за Орел, за Харьков, за Белгород. Жестокое сражение на Львовском, Владимиро-Волынском направлениях.

Потом ранение. После госпиталя Иван Семенович в составе 365 стрелкового полка освобождал братские земли: Польшу, Болгарию, Чехословакию. Восторженно встречали освободителей везде. Цветы, улыбки и искренняя дружба. С болью смотрел солдат на руины золотой Праги, на святыни Варшавы, развороченные немецкими бомбами и снарядами. И снова мстил он, уже за своих братьев, за их поруганную землю.

— Было это на реке Висле, — рассказывает Иван Семенович. — Наши части ушли вперед, а мы — две батареи — оставались на отдыхе. В то время много немцев скрывалось по лесам в тылах наших войск.

В одну из ночей группа немцев численностью около 500 человек напала на наши батареи. Бой был до утра. Немцам нет пути назад, преграждала река. Им во что бы то ни стало надо смять нас и уйти. Мы понимали это и дрались до последнего, чтобы не пропустить врага. Много погибло наших товарищей в этом бою. Когда подошла помощь, нас было всего четверо и все раненые.

Немцы не сдавались. Пришедшие на помощь две наши роты пехотинцев отбросили их к реке. Многие потонули в ней, 25 человек были взяты в плен, остальные уничтожены в бою.

Здесь мы похоронили своего любимого комбата Александра Ивановича Карачинова.

И вот, наконец, Берлин. Опыленный радостью победы, выпускал солдат в уже мирное небо остатки пуль из своего автомата.

Потом — Родина! Освобожденная, но еще не залечившая раны войны, самая любимая.

Не надо говорить о наградах. У кого из фронтовиков их нет. Есть они и у Ивана Семеновича. Но самая главная из всех наград — спасибо Родины. Ему, простому солдату, Родина в День Победы каждый год говорит: «Спасибо, защитник!»

Сейчас Иван Семенович Бондаренко живет и трудится на станции Шпагино рабочим свеклопункта. У него семья.

— Скоро на пенсию. Даже не заметил, как старость подошла, — говорит Иван Семенович. — Но я еще крепок. Если надо будет, вновь пойду на защиту родной земли. Но лучше, чтобы этого никогда не повторилось.

Н. СТЕПАНОВ.

Борисенко Захар Парфёнович,

пулемётчик, впоследствии сапёр

В двадцать шестом году родился Захар Борисенко. В историческое для нашей страны время прошли его детство и юность. Коллективизация, первые ударные пятилетки, мощный подъём народного творчества, энтузиазма — дыхание новой жизни не обошло и его родное Ново-Манюшкино, весь уклад крестьянского бытия. Отец его был на все руки мастер: и плотник, и столяр, и каменщик. И сейчас стоит в деревне старое кирпичное здание машинно-тракторной станции, как знак коснувшейся доверенной деревни индустриализации — строил его отец Захара. А уж работать в МТС пришлось самому Захару после окончания семилетки.

Так бы и трудился в колхозе, но — война. На плечи пятнадцатилетних подростков, таких, как Захар, легли взрослые заботы и тяготы вместо ушедших на фронт му-

жиков. А в сентябре сорок третьего и сам начал солдатскую шинель. Был крестьянином — стал пулеметчиком. Воевал, ходил в атаки, подавлял вражеские огневые точки. Появились и боевые награды — медали «За отвагу», «За боевые заслуги».

Остался в памяти такой эпизод. Полк стоял в обороне, готовясь к

СУДЬБА

броску в наступление. Фашисты постреливали из пулеметов и автоматов, наши отвечали — обычная позиционная война. Но вот пулемет застрекотал из немецкого окопа, расположенного напротив расчета Борисенко. Навел Захар свой РПД и дал длинную очередь. И тут же в ушах противно заскрежетало — так визжали мины шестиствольного немецкого миномета при перелетах. Очнулся в земле по плечи, оглушенный. Но повезло — жив остался.

В октябре сорок четвертого нашла фашистская пуля и Борисенко, угодил он в госпиталь. Накануне победы, в апреле 45 го, его направили в учебную роту освоить саперное дело. Для саперов и после войны война продолжалась еще долго: земля была щед-

ро начинена смертью. И Захар разминировал поселки Восточной Пруссии.

В конце сорок шестого вернулся домой солдат. Было ему двадцать лет...

И снова мирная работа. В 54-м пришел он в Чумышскую сплаваную контору, ныне — Заринский лесокомбинат. И по сей день трудится там. Тридцать лет проработала на лесокомбинате и его супруга Зоя Григорьевна, была штукатуром — маляром, а сейчас обеспечивает связь предприятия с «внешним миром» — работает телефонисткой. «Лесную династию» продолжает дочь Захара Парфеновича и Зои Григорьевны Галина, мастер цеха. В сумме почти семьдесят лет отдала эта семья лесокомбинату. В их трудовых книжках десятки поощрений.

М. МАКСИМОВ.

Новое время_1986_
7 июня // Научно-
справочная
библиотека, № 54

ДОБРОВОЛЕЦ

Иван Петрович Брезгун шестнадцатилетним мальчишкой ушел добровольцем на фронт жарким августом 1941 года. Их было двадцать семь, краюшинских комсомольцев. После двухмесячной учебы в Омском танковом училище начался его боевой путь в составе только что сформированной здесь же, в Омске, 124 танковой дивизии 3 танковой армии генерала Рыбалко. До велаось побывать в страшном пекле Можайска и Волоколамска, где танками поддерживали 316 пехотную дивизию. Здесь же получил первое ранение в ногу. В семнадцать лет - командир танка, позднее - командир танковой тройки. 3 июня сорок третьего года, накануне Курской битвы, Иван Брезгун стал коммунистом. Вот как вспоминает он о сражении на важнейшем пятачке Прохоровка-Шепетовка:

- 4 июня сорок третьего года нашу часть ввели в состав 7 танковой армии близ сел Прохоровка, Шепетовка, Ивановка. Специально для Курской битвы были выпущены тяжелые танки, на броне которых были написаны буквы: "ИС" (Иосиф Сталин). Наш батальон так и назывался - шестой отдельный Сталинский истребительный.

На рассвете 5 июля задрожала земля, воздух был пронизан гарью, пылью, пороком. Началось... После артиллерийской подготовки пошли танки, за ними - пехота. Мы держали первую линию обороны. Танки сошлись лоб в лоб так, что искры летели. Вокруг сотни машин, расстояние маленькое, вынуждены были идти только на таран. Шли клином, первый бил в лоб, остальные - по боксам. Танки вставали на дыбы, наползая друг на друга. Это было жуткое испытание на прочность брони, крепости нервов и силы духа. Наша задача была - любой ценой удержаться, выстоять, затем разъединить, разрезать танковое кольцо гитлеровцев. В течение суток из наших шести машин остались три, но с поставленной задачей мы справились.

На самом главном пятачке я исполнял свой долг перед Родиной. Здесь решалась ее судьба - быть России или не быть...

Родина высоко оценила ратный подвиг солдата, наградив за участие в Курской битве орденом Красного Знамени.

Л. МЕЛЕЩУК,
гл. хранитель фонда
мемориала Славы.

Брезгун Иван Петрович, командир танковой тройки 6-го отдельного Сталинского истребительного батальона 124 танковой дивизии

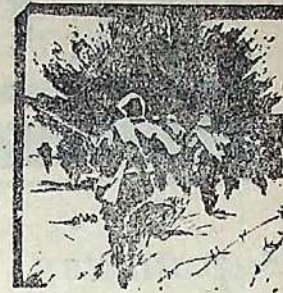
Новое время_1998_6 августа
// Научно-справочная
библиотека, № 71

Новое время_1993_8 июня
// Научно-справочная
библиотека, № 62

«РАБОЧИЕ ВОЙНЫ»

Скоро исполнится пятьдесят лет с тех пор, как произошла битва на Курской дуге. Уже совсем немного осталось участников этого сражения. Некоторые живут в нашем городе.

Иван Петрович Брезгун родился в тысяча девятьсот двадцать четвертом году. А под Курск попал тринадцатого мая сорок третьего, когда ему не исполнилось и двенадцати. В то время немцы уже брались фашистские отряды. В них были и немцы, и румыны, и венгры. Много еще других национальностей. Вел огонь в упор. Вдруг немцы стали стрелять с того берега фаустпатронами с воспламеняющей из воздуха жидкостью. Не щадили ни своих, ни чужих. Всем досталось. Бросались в реку, кто мог. В воду ныряешь - не горнишь, вынырнешь - снова пламя. Недалеко, шагах в трех, ныряют те, кто совсем недавно в нас стрелял. Автоматы на нас болтаются, в ход их чувствовать не можем. Уже потом вылезли земли обтерлись, и все стало на свои места. Побили мы их тогда.

Я воевал в семилетней отдельной танковой штурмовой бригаде. Стояли то-

За месяц до этого, пом-

но, был один интересный случай. Весь май был лишь небольшие стычки. «Нашу» ввалил друг у друга слабые места. И вот уже мы подступали к Прохоровке, а там на речке на нашу сторону переметались фашистские отряды. В них были и немцы, и румыны, и венгры. Много еще других национальностей. Вел огонь в упор. Вдруг немцы стали стрелять с того берега фаустпатронами с воспламеняющей из воздуха жидкостью. Не щадили ни своих, ни чужих. Всем досталось. Бросались в реку, кто мог. В воду ныряешь - не горнишь, вынырнешь - снова пламя. Недалеко, шагах в трех, ныряют те, кто совсем недавно в нас стрелял. Автоматы на нас болтаются, в ход их чувствовать не можем. Уже потом вылезли земли обтерлись, и все стало на свои места. Побили мы их тогда.

гда на стыке седьмой и шестой армий. Обстановка у нас была вот какая. Например, одной из дивизий совсем уж плохо - мы туда. В другой заваруха - к ней идем.

Ни одного дезертира при мне не было. Все были рады, что воюют за свою Родину. Настрой был только на победу. Трудностей пережил очень много. Бывало, сутками не спал. Всегда не хватало снарядов. Зато с автоматами было просто.

Очень страшно было. Много мы там кровушки своей пролили. Когда в первый день отступали, положили семь стигров. Это большое значение тогда имело.

А после контузило. Да осколок в ногу прилетел. Так и закончилось мое пребывание на Курской дуге. Из больницы ушел - не вылечился еще до конца и снова добровольцем на фронт.

Закончилась война. Много нам пришлось, и после пережить, но навсегда останется в памяти этот страшный год.

С. ИВАНОВ.

Буянкин Иван Алексеевич,

сапёр сапёрного батальона 1-го гвардейского стрелкового корпуса

Ивану Алексеевичу Буянкину сегодня шестьдесят. Более сорока лет прошло с тех пор, как отгремели победные залпы и закончилась Великая Отечественная война. Как говорят, много воды утекло. Стерлись в памяти мелкие подробности, но то, что пришлось пережить, осталось в ней навсегда. Об этом — рассказ ветерана.

— До войны я жил и работал в Сорokinе. Летом заготавливал торф, зимой — дрова для организации. 14 апреля 1942 года меня призвали на службу в армию, а 14 декабря уже получил первое боевое крещение под Сталинградом в составе сапёрного батальона 1-го гвардейского стрелкового корпуса. Что там творилось! Первые полмесяца, пока не привык, у меня вставали волосы дыбом. Не прекращаю и сейчас стрельба, бомбежка. Минные поля обрабатывали только ночью. Строили много переправ. Моя первая боевая награда —

На войне как на войне

медаль «За оборону Сталинграда».

После Сталинграда были города и станции Украины, Севастополь: в марте 43-го мы перешли вброд Севаш и оказались в северной бухте. Потом опять западная Украина. И все время — минирование, разминирование. Скорость операций зависела от расторопности трех человек: один растаскивал мины, второй копал ямки, третий, чем я и занимался, заряжал и заваливал их.

Дороги, леса, перелески — их было на моем пути так много, что сейчас уже не припомнить, в какой местности устанавливали мины, за что получил орден Славы III степени. Тогда уже ходил в ефрейторском звании и руководил группой. Ночью получили задание: заминировать дорогу, которую постоянно патрулировали немцы. На следующий день

узнали, что на наших минах подорвался вражеский танк.

А вот село Молочанск на Украине помню очень хорошо. Шли взводом по дороге. Я, как сапёр, в ее голове. Вдруг впереди и по краям дороги обнаружил мины. Взвод стал. Я начал разминирование. Когда держал в руках двенадцатую мину, подошла артиллерия. «Сколько понадобится времени?», — поинтересовался генерал-майор. «Полчасика», — отвечаю. «Много», — говорит генерал. «Разрешите тогда, — обращаюсь к нему, — вытаскивать мины без шнуров». А ими подцепляли мину с уже открученным взрыва-

телем для страховки: вдруг есть потайной взрыватель? Подумал генерал, спросил меня о семье и сказал: «Действуй: если что случится, в беде не оставлю». Не думал я тогда о том, что жёну подорвать, в мыслях было скорее освободить дорогу. Дело пошло быстрее. Скоро техника дрогнула, потом люди. За полтора часа я обезвредил 120 мин — большая куча выросла на обочине дороги. Вот за это миное поле и наградили меня орденом Красной Звезды...

До конца войны прошел я еще по Белоруссии, Литве, Латвии, в которой много орудовали разные банды. 9 мая мы узнали по радио о Победе, а под Кенигсбергом бои шли еще и 14 мая. Все лето простояли наши части в четырех километрах от пролива, отделяющего нас от этого города. А ближе

к концу августа мы получили приказ очистить от мин поля, чтобы мирные жители смогли их распахать и засеять.

Вернулся домой ровно через пять лет — день в день. Занялся плотницким делом, женился. Вот сейчас пятеро детей, из них четыре сына, семеро внуков. И дети, а теперь внуки интересуются, как и где я воевал. Рассказываю. На войне, говорю, все трудно. Никому не хочется умирать. Но о смерти меньше всего думали и жили дружно, как родные. Самое тяжелое испытание — штыковые атаки. Ни мыслей, ни чувств никаких, лишь бы врага уничтожить да самому остаться в живых. Или он тебя, или ты его.

Перед войной обстановка была напряженной, но говорить об этом было нельзя. Сейчас вот, после подписания договора об уничтожении ракет, становится спокойнее. И думаешь: все страшное позади, жить бы да жить, но, жаль, жизнь короткая. Записала Н. ДАВЫДОВА.

Жил парень в селе Усть-Мосиха Ребрихинского района. Сзорной был, ватажил среди ребят. Любил хлеборобское дело. Был ловок, весел, многие девчата заглядывались на него.

В апреле 1941 года Ивана Важенова призвали в армию, направили в Воронежское танковое училище, где его и застала война. В первые же дни в составе танкового полка был переброшен под Минск. Первые жестокие бои, первые испытания людей и техники. Под натиском превосходящих сил врага, несмотря на мужество и стойкость, отступить пришлось до самой Москвы. Ранение получил под Великими Луками, девять месяцев пролежал в госпитале. В феврале 42-го вновь прошел краткосрочную учебу в танковом училище. За его плечами оборона Сталинграда, блокадного Ленинграда, битва на Огненной дуге летом сорок третьего. Иван Александрович вспоминает:

- Под Курском, в районах Стрелецком и Тамаровском, строились оборонительные рубежи, укрепления. И вот на рассвете 5 июля, после двухчасовой артиллерийской подготовки, пошли танки, за ними - пехота. Здесь мне пришлось сразиться с самым тяжелым фашистским танком - "королевским тигром". На расстоянии 800 метров я не смог пробить 30-сантиметровую лобовую броню, надо было идти на поражение его уязвимой боковой

К 55-летию Курской битвы

*"Нас водила
молодость..."*

части, бить в гусеницы, в мотор. "Тридцатьчетверки" - не самая грозная техника против "тигров" и "пантер". Но мы ведь били их! Там же, под Курском, когда не хватало своей техники, трофейные немецкие танки перекрашивали зеленой краской, рисовали на них звезды и шли в бой.

Всю войну прошел наводчиком, заряжающим, водителем танка Т-34. Форсировал Днепр, освобождал Киев, Белую Церковь. В 1944 году старшина Важенов

- командир машины. Сколько раз смерть звала его к себе. Горел в трех танках, чудом остался жив. После тяжелого ранения под Уманью врачи вынесли суровый приговор: "В танк больше нельзя".

Приказы на войне не обсуждаются. Службу продолжил в составе запасного полка. В том же сорок четвертом судьба подарила ему встречу на польской земле с Машей Запольской, поваром из дорожно-эксплуатационной части. Оба оказались с Алтая. За

ее плечами был долгий фронтовой путь вместе с прицепной кухней. И надо же такому случиться: воевали в одной роте под Ленинградом, на Курской дуге - и не встретились, а тут... Полюбили друг друга.

4 апреля 44-го года родилась их фронтовая семья. Кидало их военное лихолетье из стороны в сторону, разлучало, сводило вновь. Вместе доехали до Берлина.

Двадцать два дня добиралась Мария Георгиевна до дому, до родного Косихинского района. А в ноябре 45-го демобилизовался и Иван Александрович. Все пришлось начинать с нуля. Но выручила фронтовая закалка. Работали, стремились наверстать то, чего лишила война. И вот уже пятьдесят четыре года семейному союзу Важеных, много счастливых дней прожито вместе. Трех дочерей воспитали супруги, шесть внуков подросли.

"Нас водила молодость..." От воспоминаний захватывает дух. Пусть тяжело приходилось, порой смертельно опасно, но не прошли стороной для Марии Георгиевны и Ивана Александровича те исторические и героические события в жизни Родины. И в этом их счастье.

Л. МЕЛЕЩУК,
гл. хранитель фонда
мемориала Славы.

Важенов Иван Александрович, наводчик, заряжающий, водитель танка Т-34

Новое время_1998_18 августа // Научно-справочная библиотека, № 71

Гнездилов Георгий Васильевич,

связист, сержант запаса

СВЯЗЬ ВОССТАНОВЛЕНА

В тот день на КП минометной батареи Маркова было необычно жарко.

— Витязь! Витязь! Дайте НПШ один! Пригласите НПШ... Фу... черт, где Степаненко? Почему нет связи?

— Убит, товарищ старший лейтенант, — тихо произнес комиссар Кожеводов.

— Назначить командиром связи Дудко. Немедленно обеспечить связь.

— Не вернулся с линии, товарищ старший лейтенант.

— Командира первого взвода ко мне!

— Я здесь, товарищ комбат.

— Сержант Гнездилов, принимайте команду связистов. Срочно обеспечьте связь с полком!

— Слушаюсь, товарищ комбат.

До командного пункта полка было километра три. Ровная местность просматривалась до само-

го шоссе, которое связывало Смоленск с Москвой. Нужно было во чтобы то ни стало удержаться хотя бы один день, задержать продвижение фашистов, рвавшихся к столице нашей Родины.

Сегодня немец предпринял вторую атаку. Снарядов нет. Солдаты устали. Приказа менять позицию нет. Нужна связь.

Двое бойцов, легко перепрыгнув через бруствер, скрылись в кустарнике. Тотчас же наши открыли минометный огонь по фашистским окопам. Откуда-то издали сарахнул немецкий пулемет.

— Ну, сейчас начнется... Сейчас только не зевать — подумал Гнездилов. Работая локтями и ногами, извиваясь между кустиками и кочками, связисты быстро передвигались вперед.

— Тьфу!.. — в сердцах чертыхнулся сзади сопровождающий. — Борозда

кончилась. Сержант хотел повернуться, но пули заставили прижаться к земле. Выступил горячий пот, каска слезла на глаза, ящик с телефоном тяжелым грузом вдавился в бок.

— Хрен с ней, с этой бороздой. Сам-то живой? — не поворачиваясь, спросил сержант.

— А куда я денусь, здесь.

— Иванов, слушай команду, давай-ка рванем перебежкой вон до той воронки, а там рукой подать до шоссе, за ней наши.

— Согласен. Вот катушку размотаю.

Быстрый и короткий рывок. Одышались. Только царпануло малость сопровождающего.

Сержант, перевязав кровоточину Иванову, взглянул из укрытия. Шоссе немцами простреливалось хорошо. Нельзя было поднять головы. Неда-

леко от дороги лежал Дудко, чуть дальше вдоль линии еще двое солдат. «По-видимому в этом месте повреждена линия». — подумал сержант Гнездилов. Прикинул — пятьдесят трудных метров и...

— Звезда, Звезда... порыв восстановлен. Витязь не отвечает. Как слышите меня?

— Гнездилов, слышу хорошо. Проверь линию по всей длине. Действуй. И заруби себе: если гансы предпримут еще одну атаку, то связь уже будет не нужна.

— Ну, что скажешь, Иванов?

— Как прикажете, товарищ сержант. Помирать больно не хочется.

— Погодь, у меня и на этот счет есть шансы.

Дымовую шапку бросили в сторону шоссе. Теперь, собравшись в еди-

ный решительный комок, двое бросились через дорогу. Засветели пули. Еще, еще метр. Что-то горячее обожгло руку сержанта. Вот и кустарник. Падая, Гнездилов почувствовал, как что-то тяжелое толкнуло его в спину и придавило.

— Иванов, Иванов, ты что? Что с тобой?!

— Оставь, сержант. Я... кажется, ранен.

— Успокойся. Сейчас проверим связь и все будет хорошо. Держись.

Ровно в 2.30 дня цепи немцев пошли в очередную атаку. Теперь против горстки бойцов Маркова фашисты бросили шесть танков и более сотни солдат. Связь с полком заработала в это же время. Старший лейтенант Марков, доложив обстановку, вызвал огонь на себя.

х х х

Ныне старший сержант запаса Георгий Васильевич Гнездилов живет в Хмелевке.

В. ЮМИНОВ.
с. Хмелевка.

Сельская новь_
1975_15 мая //
Научно-справочная
библиотека, № 46

Гонюков Иван Фёдорович,

артиллерист

СТРАНИЦЫ ДНЕВНИКА

Наверное, немного сохранилось документальных записей военных лет, а тем более дневников. Записи Ивана Федоровича Гонюкова хранятся у его дочери как семейная реликвия. Это дневник из 30 страниц, вырванных из толстой общей тетради. Первые записи сделаны аккуратным мужским почерком, выделены подзаголовки, как этапы пути. Позднее почерк становится торопливым, записи становятся лаконичнее, чернила разных цветов. Но это все мелочи.

Главное в другом: в том, что здесь есть дух того предвоенного времени, подробное описание первого года войны. Коротко перескажу начало дневника.

9 октября 1940 года Ване Гонюкову привесли повестку в армию. Со слезами он прощается с матерью и младшими братьями. Из Уч.-Пристаня парней везут в Алейск, отсюда в Винницу, учат на артиллеристов и радистов. Весной 1941 года солдаты выезжают в летний лагерь и проводят учебные стрельбы. В воздухе пахнет войной. Теперь сам дневник.

«На этот раз дивизион снова получил оценку отлично. За стрельбой наблюдал генерал и остался доволен. Не зря же наш дивизион занял в 1940 году на всеармейско-тактических состязаниях первое место по всей Красной Армии.

Похвала генерала была также праздником для нас. Мы поняли, что наши труды не пропали даром. Мы готовы вести огонь по врагу, готовы защищать Родину.

20 июня в полной боевой готовности выехала рядом стоящая с нами часть У. Их был митинг и потом играли марш. О, этот марш, я его никогда

не забуду! Это марш тревоги. Стало ясно, что запахло порохом, что надвигается что-то грозное и неотвратимое.

22 июня 1941 года навсегда останется в памяти советских людей, как самая злобешая и кровавая дата. До самой смерти и я не забуду этот день.

Наш полк почти один остался в лагерях. Как всегда, перед выходным днем демонстрировали кинофильм. Настроение было взволнованное. Все ждали какого-то известия.

Утром я по обыкновению проснулся раньше подъема. Посмотрел на часы, было 6.40. Сквозь белую палатку хорошо было видно. Вечером выпал маленький дождь и стояло прохладное утро. Птицы в это утро, казалось, сходили с ума.

Они весело щебетали над палаткой. Их голоса переливались в душе в огромной тревогой. Я представил в уме волнующий вопрос: «Неужели война? Но с кем? Как?». И опять отогнал от себя эти страшные мысли. Я силится уснуть, но нет: душа моя была наполнена тревогой.

В 10 часов утра вдруг дневальный сказал: «Тебя зовет комсорг полка». Пришел я в партбюро и увидел взволнованное лицо комсорга. Он сообщил, что Германия напала на нас сегодня в 4 часа утра. Велел собрать людей на митинг.

Здесь меня обожгло как жаром. В первую минуту я не знал, что мне делать, хотелось заплакать, хотелось проклинать фашизм и Гитлера. Но потом я взял себя в руки, и вспомнил взрывы на полигоне. Только снарядами, бомбами, пулями нужно расцениваться с Германией и Гитлером.

Когда я пришел в дивизион, все в палатках спя-

ли. Они лежали в майках и трусиках под простынями, чистенькие, как малые дети, и спали безмятежным сном. Я представил, что над этими молодыми невинными людьми занесен кровавый меч, и тысячи таких же молодых наших сверстников уже умирают на границах в схватках с фашистской ордой.

Я открывал двери палаток и будил всех: «Поднимайтесь, дорогие друзья! Это последний ваш спокойный сладкий сон». С большой болью в сердце я сказал злобешее слово: «Война!». Они сперва мне не поверили. Но тут прозвучал сигнал общей тревоги. Тогда все молнией повскакивали со своих мест и уже в полной форме стояли в строю. И каждый задавал себе этот вопрос: «Неужели война?».

В 12.00 собрался весь комсостав на митинг. Выступал парторг полка старший политрук Чуйко. Митинг был короткий. Выступающие клялись биться с врагом до конца. Потом все кинулись в парк, который был на опушке леса и виден был как на ладони. Там стояли орудия, тракторы, автомашинны. Мгновенно лес огласился гулом — это заработало более 50 тракторов. Быстро зацепили орудия и увезли в лес. Один трактор проехал прямо по цветам, которые мы заботливо растили. Я подошел, посмотрел на смятые цветы и представил: наши молодые жизни, как эти нежные цветы, затоптали железные гусеницы.

Приближался вечер. Начали рыть ровики от бомбежки. Убрали палатки, и в лагере вновь воцарился хаос, какой был до нашего приезда.

Казалось, что по лагерю прошел чудовищной силы ураган и разбросал все безжалостно. Прямые линейки, которые ежедневно посыпались чистым песком, были изрыты гусеницами тракторов и уже никто не заботился об их красоте. Клубы с живыми чудными цветами были истоптаны. Деревья рубились под маскировку матчасти, ибо в любое время можно было ждать бомбежки.

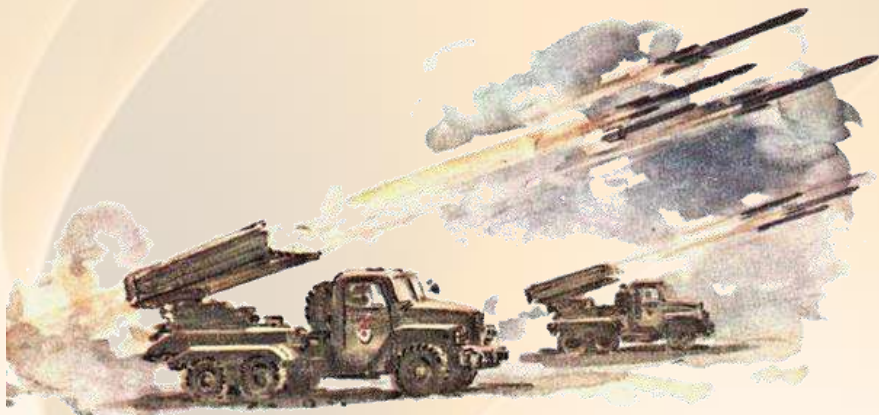
За какие-то пять часов изменился облик лагеря. Изменились и люди. Все стали серьезные. Не было слышно песен и шуток. Все сосредоточено работали. С полуслова выполнялись приказания. К вечеру полк готов был к маршу. Все мы ожидали что и нас скоро позовут на защиту Отечества.

Вечером были выставлены усиленные караулы. Почти все не спали. Слишком неожиданной и грозной оказалась новая обстановка. Никто не знал, что будет дальше, но все были уверены, что мы победим, что Германия разобьет себе голову о нашу Родину. Ваня Кучин сказал: «Хотел бы я знать, что думал Гитлер, когда решил напасть на нас. Разве он не знает, что постигло шведов, Наполеона, капиталистов в 1918 году? Пусть мы умрем, но мы отучим Германию баловаться с огнем!».

Вдруг прозвучал сигнал боевой тревоги. Объявили, что на полигоне высадились парашютисты. На автомашинах с винтовками поехали на полигон. Просека ночью не дала результатов. Днем задержали трех шпионов в красноармейской форме. Так начались дни тревог, дни войны.

Горелов Иван Денисович,

командир огневого расчёта Полка гвардейских миномётов (знаменитых «катюш»)

Сельская новь_1969_22 февраля // Научно-справочная библиотека, № 40

ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ ФРОНТОВИКА

Перед нами пожелтевший от времени документ, присланный командиром воинской части на имя Анны Ивановны Гореловой из с. Сорокина. Едва разбираем строчки машинописного текста. Зато какие строчки.

—17 января 1945 года ваш сын Иван Денисович Горелов, выполняя боевое задание, был ранен, но не отступил перед врагом. Командование части благодарит Вас, воспитавших такого сына, высылает Вам посылку и просит принять эту нашу сердечную благодарность и наше искреннее пожелание.

Что же совершил тогда Горелов? Об этом по нашей просьбе рассказал он сам.

—В январе 1945 года началось невиданное по своим масштабам наступление советских войск, которое в конечном итоге должно было окончательно поставить на колени гитлеровскую Германию. Полк гвардейских минометов или знаменитых «катюш», в котором я служил командиром огневого расчёта, поддерживал прорыв танковых бригад с Сандомирского плацдарма. 17 января, задолго до рассвета, гвардейцы ворвались в одно селение под Варшавой. К нам подошел поляк и указал на хаты, где размещались немцы, еще не ожидавшие прихода русских. Мы решили окружить хаты и уничтожить или пленить противника внезапно. Мне и помощнику командира взвода Савину приказали овладеть одной из больших крайних хат. Подкрадываюсь с тыльной стороны дома. У крыль-

ца, закутавшись, стоит часовая. Бесшумно снимаю его. В это время Савин врывается в дом, а я стреляю из автомата по окнам. Короткая схватка закончилась пленением 14 фрицев.

В тот же день мы ворвались в Варшаву. Завязались упорные уличные бои. Наш расчет давал залп за залпом по скоплениям врага. В сумерках к нам подкрались немецкие автоматчики. С одним из них я встретился лицом к лицу и скомандовал: «Хенде хох!» (руки вверх). Он попытался прикончить меня, но пуля из пистолета обогнала. Я не видел, что рядом появился второй немец. Сначала мне обогло обе руки, а потом уже донеслась автоматная очередь.

Санструктор сделал перевязку обеих рук, направил в санчасть. Но я остался на поле боя. Утром командир части приказал группе автоматчиков сопроводить меня до армейского госпиталя. За этот бой я награжден орденом Отечественной войны II степени, который получил уже в Германии.

Это один лишь день из фронтовой жизни нашего земляка Горелова. А сколько было таких дней. Иван Денисович воевал на Калининском фронте, был в пекле исторической битвы на Орловско-Курской дуге, освобождал Украину, Польшу, форсировал Днестр, Буг, Прут, Вислу, брал логово врага— Берлин, имел несколько ранений.

Горелов удостоен нескольких правительственных наград. За

каждой из них—риск жизнью, пролитая кровь. Вот один эпизод. В апреле 1944 года под Станиславом группа «катюш» дала залп по врагу и возвращалась назад. Вдруг с воем налетели юнкерсы. Один из них дал очередь по направляющей машине. Горелов и шофер были тяжело ранены. Горелов не заметил, а скорее почувствовал загорание. В машине была мина. Когда он, обливаясь кровью, подобрался к мине, ее уже начало обнимать пламя. И все же он разрядил мину и спас установку от взрыва. Уже в госпитале узнал, что за это награжден орденом Красной Звезды.

В. ДМИТРИЕВ.

НА СНИМКЕ: И. Д. Горелов.

Гусельникова Алевтина Николаевна,

операционная медсестра в полевом госпитале

Алевтина Николаевна Гусельникова уже больше года, как ушла на заслуженный отдых. Но близкие по старой памяти все ходят к ней за медицинской помощью, за советом. Все давно уже считают, что она своя, ближневская. Да и сама Алевтина Николаевна так считает, хотя впервые на Алтае появилась лишь после войны.

Часто можно видеть бывшего младшего лейтенанта медицинской службы Гусельникову в школе. Ребята любят слушать ее рассказы о своей работе, о войне.

Самый любимый праздник у Алевтины Николаевны — 9 мая, День Победы. У них с мужем в этот день — день воспоминаний. Ведь они воевали в одном полку. Всегда веселая, жизнелюбивая, Алевтина Николаевна часто в этот день утирает слезы. Почему-то с годами тяжелее чувствуются утраты, принесенные войной. Тогда, в дни войны, у всех была одна священная цель — Победа. И каждый делал все, что мог, для нее.

Алевтина Николаевна в дни войны стояла по 16—18 часов у операционного стола в полевом госпитале, а потом шла еще на дежурство.

Сегодня праздник 60-летия Советской Армии. Мы предоставляем слово Алевтине Николаевне Гусельниковой, которая внесла свою долю в ее неувядаемую славу, долю в четыре военных года.

ЭХО ВОЙНЫ

— Как-то прозвучала с экрана песня, написанная к фильму «Белорусский вокзал». Песня выстраданная. И действительно: «Когда-нибудь мы вспомним это, и не поверится самим...».

Позапрошлый год ездила я в свое медицинское училище в г. Советск. Училищу исполнилось 40 лет. Приехала — в училище все молодые девушки и пареньки. Да как же, думаю, такие молодые работать будут? Сидим со своим Федором,

рассуждаем, вспоминаем. Вдруг подходит к нам женщина, пожилая уже. «Какого года выпуска?» — спрашивает. «Военного» — говорю. «Где служили?». Отвечаю, а у самой где-то все внутри сжалось. — Федя, Алка, да что же вы Аньку-то Киселеву не узнаете?!

И словно молния все осветила.

21 июня в школах был выпускной. Гуляли по городу до утра. Пришла домой — и спать. Проснулась от ощущения тревоги. А

по радио Молотов выступает.

У военкомата уже все наши друзья. С парнями еще разговаривали. А нам отказали наотрез!

И сразу как-то выход нашелся — пойти в медучилище — сестер ведь на фронт берут. Не я одна пришла к такому решению.

Из нас набрали группу, которая занималась по усовершенствованной программе. Уже в 1943 году мы были на фронте.

В военных действиях наступил верелом. Наши войска перешли в наступление. Дрались отчаянно, и госпитали не пустовали. Совсем еще зеленые, окунулись мы в эту кровавую кашу войны, увидели вочно, что такое фашизм.

какие следы он оставил на нашей земле.

Ехали на фронт в теплушках, веселились — одним словом, не обстрелянные. Вдруг оказались немецкие самолеты. Наш состав начали бомбить. Не скрою, натерпелась страху, но эта бомбежка нам показала, что предстоит нам не увеселительная прогулка.

Привезли нас в госпиталь. Сначала отправляли в санпропускник. И тут заходит боец. Весь в крови, раненый в лицо, а

винтовку не бросает. Надо помочь ему, а у меня все в глазах плывет. Его раздевают, патроны высыплются, а он держится за винтовку.

Но пересилила себя. Я стала работать хирургической сестрой. Раненые в палатках, все в палатках. А врач делает операцию. И не одну на день. Руки военных хитров! Сколько им досталось! Этого не выскажешь никакими словами.

До войны я никогда так остро не ощущала нашего братства народов. Разумом понимала, а вот сердцем — только там.

Мы стояли в Белоруссии. Как-то раз после операций вышла на улицу — вдохнуть свежего воздуха. Присела на холмичку, слышу кто-то за спиной. Оборачиваюсь — на колесах стоит старая женщина и молчит. Я отошла, а потом спрашиваю «Что у Вас?». Она отвечает:

— Это моя семья. Все пять человек здесь, под холмом. В январе их взяли — они были партизанами — и вон на том пригорке расстреляли. Хоронить не разрешили, так и лежали до весны. А теперь они все вместе навсегда в свой свободной земле.

Прошло много лет. А я как сейчас ее вижу.

Страшные следы фашизма. В районе станции Бороуха откопали танковые трапезы — они там были до войны. Откопали, а они полны трупов. И не

забыли, а и мирное население.

Раз такое увидеть, не забудешь до конца жизни и не простишь. Все проходит через сердце, оставляя там незаживающие раны.

После освобождения Белоруссии нас перебросили в Латвию, где готовилась величайшая битва — битва за Кенигсберг. И снова работа дни и ночи. Битва была ожесточенной. Шли последние месяцы войны, и они были страшно тяжелы. Все было переполнено ранеными. Но никто не хотел ехать в тыловые госпитали. Приходилось силой отправлять. Как часто в дни штурма Кенигсберга приходилось давать прощальные салюты. И у нас, женщин, тоже не было слез, мы также крепко держали оружие. В голове стучала одна мысль: вперед, к победе.

Но пришла и она, наша победа. Долгожданная, она пришла тихо и неожиданно. Стонали и металась в тяжелом сне раненые бойцы, сбивались с ног санитарки и сестры. И вдруг вбежал солдат. Лицо перекосилось, глаза блуждают, рот открыт в крике. Ионец кто-то полетел; и... закончилась!

Я вылетела на улицу. Все небо горело от трассирующих пуль. Кто из чего мог, тот из того и стрелял. Небо цело цветами Победы. И за долгие годы войны я заплакала, почувствовала непереосимую усталость.

Фото: Сельская новь_1975_23 сентября // Научно-справочная библиотека, № 46

Новое время_1978_23 февраля // Научно-справочная библиотека, № 48

В ДУШЕ НАВЕЧНО СЛЕД

В моей душе война запечатлелась неизгладимым черным пятном. После окончания военного училища связи я был направлен в состав 4-го Украинского фронта на должность начальника связи стрелкового батальона. Прошел с боями населенные пункты Приазовья. В зиму с 1943 на 1944 год наша дивизия закрепилась в обороне на Красном валу (Перекое).

В особо мощном прорыве обороны немцев на Перекопе участвовал 8—9 апреля 1944 года. Против нас стояли немецкие и власовские соединения. К началу прорыва по весенней распутице нам не успели подвезти тяжелую артиллерию, освободившуюся после уничтожения Никопольской группировки немцев, и пришлось выполнять приказ Главкомандующего своими силами. Немцы, чтобы вывести остатки своих войск с флангов прежней обороны, отрезали с тыла наш авангардный полк, а вернее, его остатки и держали сутки в окружении.

В это время мы организовали круговую обо-

рону, но батареи фашистов расстреливали нас с близких позиций, их следовало уничтожить огневыми средствами. Я контролировал их расположение и по рации передавал координаты в тыл. Для этого пришлось скрытно выдвигаться к вражеским огневым точкам. С воздуха и зенитной артиллерией они были подавлены. После прорыва на-

ше соединение устремилось на освобождение Крыма от фашистов. За организацию связи в прорыве обороны немцев на Перекопе от командира дивизии товарища Юхимчука я получил благодарность и награду.

На подступах к Севастополю немцы заранее хорошо закрепились на высотах, засели в железобетонных укреплениях, использовали выгодные природные возможности местности. Здесь наш полк получил большое подкрепление. Мне не пришлось войти в Севастополь, потому что во время одного из боев я был тяжело ранен.

Произошло это так. Прекратилась телефонная связь с соседним батальоном, и я пополз в сторону поврежденной линии, так как мои бойцы почти все были или ранены, или убиты. Устранив порыв провода и следуя обратно, я был ранен и с утра так же, как и другие раненные, лежал до заката солнца. Собрать раненых

и вывезти их в дневное время не было возможности — мы находились на открытой местности под постоянным обстрелом врага.

Жизнь солдата на фронте нелегкая, ему каждое мгновение грозит ранение или смерть, все время находишься в напряжении. Я уже не говорю, что солдату на фронте приходится быть без крыши над головой, — в любую погоду, в мороз или осеннюю слякоть. Все эти неудобства как-то не замечались, так как основное — борьба с врагом.

В моей солдатской жизни были и свои радости. Однажды после освобождения города Мелитополя на отдыхе посчастливилось послушать в театре оперу «Заложенец за Дунаем». Правда, артистов и музыкантов было мало, почти не было декораций на сцене, зрители слушали оперу стоя. Но это были радостные часы. У нас, зрителей солдат, появлялись на глазах то слезы, то улыбки.

Минуло 40 лет, трудно вспомнить войну. До сих пор наворащиваются на глаза слезы при воспоминании о Дне Победы. И хочется обратиться к молодежи: по-серьезнее относитесь к международным событиям, нельзя допустить войны. Пусть наши сыновья достойно защищают незабываемые рубежи Родины и мир на планете.

М. ДАВЫДОВ,
ветеран Великой Отечественной войны.

Давыдов М.,

начальник связи стрелкового батальона
4-го Украинского фронта

Новое время_1985_9 мая // Научно-справочная библиотека, № 53

Каркавин Иван Вавилович,

лейтенант, командир взвода 303 стрелковой дивизии

ВСПОМИНАЯ ДРУЗЕЙ БОЕВЫХ

Запомнились бои под Воронежем, куда нашу дивизию бросили, чтобы остановить наступление врага. Надо сказать, что эта дивизия мне особенно дорога, ведь она формировалась в Кемеровской области и попал я в нее молодым лейтенантом после окончания военно-пехотного училища в городе Кемерово. Со многими сдружился, и как же тяжело было терять друзей в первых же боях! 17 июля 1942 года мы с ходу вступили в жестокое сражение с противником, который значительно превосходил нас в силах, особенно в авиации. В этот день погиб командир дивизии. Меня ранило на следующий день. Через полтора месяца, вернувшись из госпиталя, я узнал позиции (дивизия стояла на том же месте), но многих из

тех, с кем принял боевое крещение, уже не застал в живых. Какие слабые это были ребята!

Вот, как живой, стоит передо мной широкоплечий сибиряк, Герой Советского Союза, снайпер Иван Абдулов. Вместе с младшим братом Кириллом Иван выучился снайперскому делу тут же, в дивизии. И вскоре стал удивлять быстро растущим счетом поверженных фашистов. Приходя с задания, он обычно рапортовал, что убавил число врагов на одного, двух, трех.

Как-то наблюдатели сообщили, что немцы перебегают к полевой кухне по открытому месту. Я решил пойти с Иваном. Перед рассветом выбрали позицию. Вскоре немцы зашевелились, и один из них, решив сократить расстояние, выскочил на бруствер.

— Стреляйте, товарищ старший лейтенант, — протянул мне снайперскую винтовку Абдулов. Я выстрелил, немец схватился за колено и упал. Через некоторое время к нему подползли двое фашистов. Прозвучали два выстрела Ивана, и враги улеглись рядом.

Когда мы ворвались в населенный пункт Нижнедевитск, меня тяжело ранило. Была перебита кость ноги. Веселая медсестра Наташа Филиппова, запомнившаяся мне голубыми глазами и необыкновенно длинными ресницами, успокаивала меня, а сама ловко под обстрелом накладывала шину. В дальнейшем так сложилось, что в госпиталь я попал не скоро, но с легкой руки Наташи кость срослась как надо, и нога зажила.

Не могу забыть и ко-

мандира стрелкового полка Губанова Максима Кононовича, с которым познакомился в период формирования. Был он тогда, в начале войны, в звании капитана, а победу встретил опытным, отлично знающим военное дело полковником. Довелось мне у него полтора месяца быть в адъютантах: понял тогда, насколько это человеческий человек. С лица — суровый, а справедливый. Деловой был командир. Долго с ним переписывались и после войны, пока его не стало. Вспоминаю своих боевых друзей и подруг, и сердце наполняется гордостью за наш народ. Нет, его победить нельзя.

Многих уже нет с нами. Иван Абдулов погиб в бою. Герой — санструктор Зина Марченко умерла не так давно... На смену ветеранам идут их дети и внуки.

И. КАРКАВИН,
ветеран войны и труда.

На снимке (слева направо): участники встречи в редакции И. В. Каркавин, А. Н. Шаванов, И. Г. Проксурин, председатель клуба И. И. Иванов.
Фото В. НЕУСТРОЕВА.

Фото: Новое время_1984_2
октября // Научно-справочная
библиотека, № 52

Новое время_1986_8 мая // Научно-справочная библиотека, № 54

Карпенко Григорий Иванович,

миномётчик, командир взвода 65 армейского полка

К 50-летию битвы

на Курской дуге

НЕ ТОЛЬКО ПАМЯТЬ

Курская дуга. Славные страницы, вписанные в историю Великой Отечественной войны. Никогда не сотрутся из памяти фронтовиков те далекие, страшные дни...

Сегодня мы продолжаем публиковать воспоминания участников этой битвы.

— На войне ко всему привыкнуть можно. И к голоду, и к лишениям, и к смерти, хотя, казалось бы, страшнее ее ничего нет. Было страшнее. Предательство и трусость. Дезертиры у нас, помнятся, бежали. Один надел белый халат и к немцам, а тут наша разведка. Схватили, допросили: что, мол, и как? Он со страху, видать, и рассказал все. Приговорил его трибунал. Расстреляли, — рассказывает **ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ КАРПЕНКО**.

На его счету четыре ранения и ни разу не пришлось отступать. Так и прошел он

войну от начала до конца. Минометчиком. Служил в шестьдесят пятом армейском полку. Был командиром взвода, старшим по батарее. Много пришлось повидать, пережить. В Белоруссии немцы особо лютовали, убивали мирное население: женщин, стариков, детей... Целые села, съеденные пожаром, оставляли после себя захватчики. Тяжело было молодому бойцу смотреть на страдания людей... Однако на Курской дуге не знал он ни страха, ни отчаяния — прошел уже закалку.

— По госпиталям тоже

пришлось помогать. После третьего ранения, когда осколок попал в ногу, ниже колена, врачи кое-как выгашивали. Правда, нога до сих пор сохнет. А из-за последнего я плохо слышу.

Произошел однажды во время боя необычный случай: когда немцы подбили наш танк, экипаж поспешил выбраться из него. Фашисты в надежде добыть «легких языков», но не заметив, что танк уже опустел, выбрались из люка и побежали в нашу сторону. Положение сложилось такое, что нам пришлось «поменяться» танками. Потом мы развернулись и поехали в сторону немецких укреплений. Семь машин подбили.

Сколько потом рассказов про это в полку было...

Пожалуй, не было дня за все пятьдесят лет, чтобы ветераны не вспоминали эти беспощадные бои. И это не только их память. Мы узнаем об этой войне из рассказов наших делов и отцов. Низкий поклон им.

С. ИВАНОВ.

Меньше года осталось чете Карпенко до золотой свадьбы. Дети, приехавшие по комсомольской путевке, со временем перевезли в Заринск и родителей.

Мария Николаевна вспоминает частенько времена, когда она дружила с молодым старшим лейтенантом, которого сейчас уважительно называют Григорий Иванович. Шесть внуков выросли, есть и трое правнуков. А правнучка Виталия (на снимке) ходит в любимицах.

Фото В. ЗАХАРОВА.

Фото: Новое время_1997_25 декабря // Научно-справочная библиотека, № 70

Новое время_1993_22 июня // Научно-справочная библиотека, № 62

Плацдарм наш

НА ПОДСТУПАХ к реке Одер наша часть, прорвав линию обороны противника, стремительно наступала. Фашисты, не успев закрепиться, отступили под прикрытием небольших групп на левый берег и заняли там оборону. Небольшой группе советских разведчиков было дано задание: форсировать реку и, заняв плацдарм, закрепиться там до прихода основных сил. Группа была хорошо вооружена.

И вот по залесенным и болотистым местам, часто меняя направления, горстка смельчаков вышла к реке. На той стороне был враг. Перед форсированием Одера выслали двоих для разведки, остальные сделали привал. Но отдохнуть не пришлось. Разведка обнаружила, что передние траншеи свободны, а метров двести от нее фашисты. Не теряя времени, под прикрытием ночи, мы перешли Одер и вошли в траншею. Но тут наткнулись на редкие посты фашистов. Часть из них нам удалось уничтожить, двух взять в плен, но некоторые, бесприцельно стреляя, бросились в хутор. Поднялась тревога.

Но мы уже рассредоточились, на флангах и по центру поставили ручные пулеметы, приготовили гранаты. Атаку немцев встретили шквальным пулеметным и автоматным огнем и заставили отсту-

пить на вторую линию обороны. Хутор оказался в центре. На некоторое время шум боя утих, и мы увидели в хуторе столб пламени: горел сарай. А потом слышались отчаянные крики женщин. Наш командир старший лейтенант Гончаров принял решение спасти их; выслал для этого четверых. Подходя к сараю, мы слышали русскую речь. Это были наши русские. Быстро сбив замок, мы открыли двери и увидели задыхающихся юношей и девушек. Их было 15. Увидев советских солдат, они бросились к нам...

Днем, под прикрытием артиллерии, фашисты несколько раз атаковали нас, но каждый раз отходили, неся большие потери. Атаки противника оставались безуспешными. Четверо из нас были ранены. Но мы продолжали отстаивать плацдарм. Снова и снова бросались в атаку фашисты, но выбить нас из траншей им не удалось. А к полудню подошли наши подразделения и поддержали нас минометным огнем. К ночи линия обороны на левом берегу была в наших руках. Враг отступал.

А. КОСЕНКОВ,
сержант запаса.

с. Ново-Зыряново.
Сорокинский район.

Косенков А.,

сержант запаса, разведчик

Сельская новь_1966_4 марта // Научно-справочная библиотека, № 37

Круглянский Николай Семёнович,

пулемётчик 909-го стрелкового полка 247 стрелковой дивизии

К 40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

ОСОБЫЙ ОТРЯД

десять наскоро обученных бойцов, кадровых мало, «пороху не нюхали». На весь отряд два автомата, два пулемета—«станкач» и «дегтярев», у остальных — винтовки. А у немцев — «шмайсеры» у каждого, пулеметы бьют — головы не поднять, к батальонам минометы приданы—разрывы черной стеной встают, а когда мина падает, звук такой, словно жестяной лист по асфальту скрежещет.

В сентябре немцы прорвали Калининский фронт и устремились к Москве. Об этом и рассказать-то трудно. Скажу лишь, что после первого боя отряда осталось шесть человек... Потом отступали, перестроивались. И радостная весть — началось наступление наших войск.

Фронт мы «догнали» в середине января сорок второго. Полк наш сразу бросили в наступление. Вновь созданный особый истребительный отряд атаковал на левом фланге. Дело было ночью, я вел огонь из своего «дегтяря», поддерживая передвижение отряда. Пламегасителя у меня не было, и немцы легко захватили пулемет. Шквал огня. Вжимаюсь в снег, чувствую, как пули рвут на спине вещмешок и шинель...

Атака захлебнулась, но немцы продвинулись на флангах и вышли нам в тыл. Пришлось спешно отходить. Погиб командир. Меня контузило. Из пятидесяти человек утром насчитали двенадцать. Неделю провалялся в госпитале — и в

полк. Снова атака и та же злополучная деревня Светово или Светлово, сейчас уже не помню, и белое, как стол, поле. Я тогда уже сержантом был, командовал отделением. Мы продвигались короткими перебежками — огонь сильный, хотелось залечь, закопаться в мерзлую землю—мы ведь как на ладони. Один упал, другой, третий... Обожгло ногу, пальцы вдруг занемели, и я стал терять сознание...

Опять госпиталь — списали «подчистую»: инвалид II группы. Работал на военном заводе электромонтером по 14—16 часов в сутки, обслуживал сразу шесть участков. Трудно, конечно, было, но тогда всем нелегко жилось—война...

Записал Д. ВДОВИН.

Новое время_1984_15 мая // Научно-справочная библиотека, № 52

Куренцов Пётр Иванович,

фельдъегерь 119-го отдельного полка связи особого назначения

На кавказском направлении

История и судьба

Мобилизовали меня в 1941 году, но зачислен был в часть особого назначения и всю зиму учился в тылу. Готовили нас для Северо-Кавказского направления. Ведь и Турция стояла, готовая к войне и фашистские войска шли лавиной по всему фронту.

Осенью 43-го немцы пришли на Кавказ. Все местное население готовилось к обороне. Военно-Грузинская дорога была перегружена войсками и беженцами. Наши пропустили немцев километров на 50 вглубь Кавказа и разгромили за два дня. Все ревели и грохотало, камни летели с гор, не менее страшные, чем снаряды. Мы были полуголодные, на

сухом пайке. В битву под город Моздок были втянуты 2-й Украинский фронт и группа Черноморского флота. После разгрома мы шутили: «Немец в Моздок больше не ездох».

Я был фельдъегерем 119-го отдельного полка связи особого назначения. Это не просто почтальон, который разносит письма. Я развозил секретные распоряжения, сводки руководителей фронтов и групп. Ездили мы в машине или на мотоцикле с шофером и сопровождающим. Связь у нас работала четко, были уже американские аппараты. Нас, коммунистов, часто собирали на беседы.

Однажды мы ехали на мотоцикле и вылетели пря-

мо на немцев. Я успел закопать все документы, пока нас окружили и взяли в плен. Немцы забрали мотоцикл, а нас бросили в какой-то погреб. Ночью мы вылезли и на четвереньках уползли по горам, все поизодрали: и одежду, и ноги-руки. Но ушли к своим. Наверное, это была просто немецкая разведка, которая изучала местность, и им некогда было с нами возиться. А документы мы потом нашли, откопали и доставили по назначению.

После разгрома немцев на Кавказе некоторые части были отправлены на Запад, а нашу оставили, наверное, для охраны границы с Турцией.

Конечно, война длилась долго, и я успел побывать в разных местах: выходил из окружения, участвовал в Орловско-Курской битве, имею много медалей и орден Отечественной войны, но сегодня решил рассказать именно о Кавказе, чтобы подчеркнуть: мы всем миром очищали эти горы от фашистской нечисти и негоже в мирное время вести там братоубийственную войну.

П. КУРЕНЦОВ,
ветеран войны.

Фото: Новое время_1988_3 марта // Научно-справочная библиотека, № 56

Новое время_1990_24 мая // Научно-справочная библиотека, № 58

Кусков Иван Тарасович,

участник Великой Отечественной войны

В СЕЛО ВОЗВРАЩАЛИСЬ ВОЗБУЖДЕННЫЕ ПОГОНЕЙ НЕМЦЫ, громко переговариваясь между собой, то и дело оглядываясь на небольшой лес.

Иван знал, что прорыв удался, видел, как последние бойцы перебежками пересекли открытое место и нырнули в хвойные заросли молодого сосняка.

Но ему не повезло. Перебегая улицу, Иван напоролся на гитлеровца, который притаялся за углом сарая. И хотя успел резким ударом приклада свалить немца, тот, однако, в последний момент схватки успел выстрелить, и пуля прошила ногу выше колена. Будто споткнувшись, с размаху ударился грудью о плетень. Но медлить было опасно, и он, преодолевая боль, перевалился через изгородь, отполз в дальний угол огорода. Теперь, сквозь толстые стебли кукурузы наблюдая за немцами, думал о том, что ему делать. Прежде всего решил дожидаться вечера и с помощью кого-либо выбраться в безопасное место, ибо сам он идти не мог. Кое-как перевязав рану, стал ждать. Время тянулось медленно.

Почему-то Иван до последнего верил, что вырвется из окружения невредимым, хотя каждый раз при стычках с фашистами видел, как падали убитые товарищи, как друзья на плечах выносили раненых и

РАССКАЗ ФРОНТОВИКА

В. МАКСИМОВ

при удобном случае оставляли в каком-либо населенном пункте, полагаясь солдатами чутьем на добропорядочность людей, обещающая на прощанье скоро вернуться.

С каждым днем приближалась линия фронта. Бойцы это чувствовали до большого скопления живой силы врага и насыщенности техники. Упорно шагая на восток от самой границы, где на рассвете 22 июня приняли на себя первый удар противника, солдаты верили, что враг непременно будет остановлен, и они волеются в ряды Красной Армии. Сегодня утром, измощенные, они остановились в овраге, неподалеку от села, и упали на сырую землю от усталости.

— Ну, ребята, кажется, осталось немного, — проговорил капитан Самохин, сидя на краю оврага, — слышите? — и он указал рукой в сторону восходящего солнца.

Бойцы приподняли головы и в звонкой тишине августовского утра отчетливо услышали далекую орудийную канонаду. Где-то за лесом гремел бой.

Первые улыбки за время выхода из окружения оживили заросшие и похуленные лица. Нетерпение овладело всеми. Сгрудившись у ног капитана, словно не

было смертельной усталости, наперебой заговорили: — Товарищ капитан, зачем ждать ночи? — убеждали командира бойцы. — До леса рукой подать, а там поминай как звали. Да и немцев не видно. К вечеру у своих будем.

Нахмурив брови, тот о чем-то думал. Притихнув, все ждали ответа своего командира и верили, что решение его будет как всегда правильным.

Иван с радостью воспринял приказ добраться до леса, оглянув село по лесопосадке. Не выслал разведки, чего раньше не было, двинули оврагом и на выходе из него напоролся на немцев. Он видел, как упали сраженные пулеметной очередью капитан и солдат, бежавший рядом, как кто-то из бойцов подхватил их мертвые тела и как все оружие толпой бросилось в сторону села, уклоняясь от яростных очередей автоматов и пулемета. И в этой суматохе Иван успел заметить, как сержант Костенников с «детяревым» и двумя бойцами упали в заросшую кустарником борозду. Длинной очередью они уложили поднявшихся в погону немцев, ценой своей жизни прикрывая отход товарищей.

Солнце висело почти над головой. Знойная тишина,

нависла над селом. Прошло больше часа, как смолк пулемет степенного сержанта, но Иван все еще не мог поверить, что там все кончено. Хотелось пить, но, облизывая пересохшие губы, он старался не думать о воде, терпеливо дожидаясь ночи.

* * *

После воспоминания, длившегося добрый час, Иван Тарасович Кусков поднялся и, прихрамывая на левую ногу, подошел к бачку, дрожащей рукой зачерпнул воды, жадно выпил.

— Добрые люди помогли и вывели меня. Потом был в партизанах, а позднее, когда наши освободили Брянщину, влился в ряды Красной Армии и дошел до самого Берлина. Среди многих подписей на стенах рейхстага есть и моя. За себя и моих погибших друзей. Но тот день не выходит у меня из памяти.

Родные, наверно, получили бумажки с короткими текстами: «Считать без вести пропавшим». А ведь те товарищи пропали не безвестно, а спасли многих из нас.

Иван Тарасович умолк, торопливо закуривая новую папиросу.

ст. Заринская.

Новое время_1979_29 сентября
// Научно-справочная
библиотека, № 49

Малышев Анатолий Афанасьевич,

майор запаса, артиллерист, командир батареи

И сегодня мне хочется рассказать о боевых эпизодах, которые в какой-то степени помогут воссоздать образы тех мужественных людей, которые с гордостью носят имя артиллерист.

Пуле преграждая путь

Висла — Одерская операция. Наш передовой отряд, в состав которого входили танки, артиллерия, мотопехота, должен завершить окружение разбитого врага. До встречи с частями, идущими нам навстречу, осталось три-четыре километра. Еще немного и кольцо вокруг немцев замкнется.

Видя перспективу полного окружения, враг делает отчаянную попытку прорваться по оставшемуся коридору. Иного выхода у него нет и это придает особую ярость наступлению фашистов.

Мы сразу оказываемся в положении обороняющихся. На войне всякое случается. А в этот раз мы, артиллеристы, оказались одни, даже без прикрытия. Это значило, что вражеские снайперы могли действовать безнаказанно. И они действовали. Умело выбирая цель, они старались в первую очередь оставить батареи без командиров. Особо яростную охоту вражеские снайперы устроили на командира взвода управления. Его наблюдательный пункт находился под постоянным прицелом фашистских стрелков.

В течение длительного времени командиру взвода управления удавалось руководить боем и оставаться невредимым. Но, очевидно, это сыграло отрицательную роль. Бдительность его притупилась, и он неосторожно высунулся из укрытия. Вражеский снайпер получил долгожданную возможность убить командира.

Стрелок не хотел рисковать. С особой тщательностью он прицелился в винтовку, особенно осторожно спустил курок. Что и говорить, он ни на минуту не сомневался в том, что пуля попадет в цель. (Окончание на 4 стр.)

ПОМНИМ ГРОХОТ ОГНЯ

День ракетных войск и артиллерии, — рассказывает ветеран Отечественной войны, офицер запаса, ныне учитель Заринской средней школы, Малышев Анатолий Афанасьевич, — для меня особенно близок и знаменателен. Ведь и бывший артиллерист. В этот день, я уверен, все артиллеристы вспоминают боевые эпизоды, своих фронтовых товарищей, радости и горести прошлых сражений.

ПОМНИМ ГРОХОТ ОГНЯ

(Окончание. Нач. на 2 стр.)

В это время к командиру взвода метнулся рядовой артиллерист Михаил Машарапов. Он видел немецкого снайпера и хотел пригнать голову командира, но в последний момент понял, что сделать это не успеет. И тогда Машарапов своим телом прикрыл командира. Пуля снайпера попала ему в живот...

Машарапов спас не только командира, но и своих товарищей, обеспечил управление боем, способствовал полному окружению вражеской группировки. Я всегда вспоминаю его, не перестаю восхищаться тем бескорыстным мужеством, которое проявил артиллерист Михаил Машарапов.

Вызываю огонь на себя

Война подходила к концу. Счастье ожидало солдат-победителей. Но до дня Победы оставались считанные дни...

Вражеские войска, расположенные в Чехословакии, сделали еще одну попытку прорваться к своим. На позиции наблюдательного пункта, где командиром был мой боевой друг Борис Кацман, пройдя через заградительный огонь, ворвались три фашистских самоходки. Один за другим погибли все артиллеристы, приняв неравный бой. Борису оторвало руку, он потерял много крови и двигаться не мог. Ему предстоял плен или героическая смерть.

В это время наша батарея вела свой бой.

Сквозь грохот и шум боя я услышал звонок телефона. Взял трубку и слышу слабый голос Бориса:

— Анатолий, на мой НП ворвались немецкие самоходки, в живых остался один я, оторвало руку, двигаться не могу. Вызываю огонь на себя...

Это были последние слова моего боевого друга. Огонь наших батарей накрыл вражеские машины. Погиб и Борис Кацман. Такими остались в моей памяти друзья-артиллеристы.

Рассказ Малышева Анатолия Афанасьевича был бы неполным, если бы мы умолчали о его ратном подвиге.

Боевой путь Анатолия Афанасьевича как артиллериста, начался с апреля 1942 года и закончился только после окончания войны в Чехословакии. Ветеран Великой Отечественной участвовал в сражениях под Тулой, у известных всему миру Поньрей, во время сражения на Курской дуге, воевал под Бобруйском, на Сандомирском плацдарме, в Берлинской операции, совершил маш-бросок к восставшей Праге, имеет 9 правительственных наград. К этому следует прибавить, что Анатолий Афанасьевич ведет большую воспитательную работу, будучи руководителем комнаты боевой славы в Заринской средней школе.

Помня грохот былых сражений, артиллеристы живут и работают, чтобы над землей всегда было мирное небо.

Г. БУРДОВ,
р. п. Заринский.

Матрохин И.,

участник обороны Москвы в составе 107 стрелковой дивизии

ЭТО БЫЛО В 1941-м

Мне пришлось принимать участие в войне против гитлеровской Германии на Западном фронте в составе 107 стрелковой дивизии. То было очень трудное и опасное для нашей Родины время. Враг всеми силами рвался к Москве, уж очень хотелось немецким захватчикам встретить победу в нашей столице. Но враг жестоко просчитался. Советские воины от рядового до генерала насмерть стояли на рубежах обороны города и победили.

На какие только хитрости и коварные приемы не шел враг. Мне вспоминается такой случай. Утром в один из сентябрьских дней 1941 года немцы открыли по нашему переднему краю массированный артиллерийский огонь, с воздуха наши части сильно бомбили фашистские стервятники. После этого немецкая пехота пошла в атаку. Я и еще один по фамилии Арте-

мов находились в это время на наблюдательном пункте и видели, что впереди идут не солдаты, а наше гражданское население, о чем было передано нашему командованию. Поступил приказ: гражданское население пропустить, а с немцами принять рукопашный бой. Дрались мы отчаянно и беспощадно. В результате враг был отброшен, понес большие потери, мы заняли Ельню и Спасск-Деменск. В большинстве своем гражданское население, которое гитлеровцы вынудили прикрывать свои части, было спасено.

Это один из боевых эпизодов борьбы советских воинов и всего нашего народа за честь, свободу и независимость Родины.

И. МАТРОХИН,
бывший участник обороны Москвы.

Фронтовики знают, что такое долг и честь

Мезенцева А.М.

начальник санитарной службы отдельной лыжной бригады

Я закончила медицинский институт в 1941 году. Парней-курсников сразу же призвали в действующую армию, девочек — чуть позже. В сентябре 1942 года призвали и меня. Была назначена начальником санитарной службы отдельного автобатальона.

Меня не очень хотели отпускать из детской поликлиники Красноярска. Сказала: «Хочу на фронт». Уже в декабре сорок второго отдельная лыжная бригада из Канска была направлена под Курск. В ее составе была и я. Мы получили задание зайти в тыл врага. Шли только ночью. Чувствовала себя уверенно, потому что в институте бегала на лыжах, на тренировках в Канске на скорость и выносливость не уступала мужчинам.

Поэтому в длительном переходе в тыл врага не боялась, что отстану и пропаду. Санитары шли вместе с ротой бойцов. Бой был страшен... Из роты осталось только четверо. Мы не знали, где наши, куда двигаться. Увидели, как немецкие танки убегали с поля боя. Чтобы уцелеть, спрятались в ров. Легли, прикинулись мертвыми. До сих пор, если услышу звук, похожий на ляг танков, то непременно убегаю с дороги. Потом сама над собой посмеиваюсь, ничего не поделаешь, срабатывает инстинкт.

Мы вышли в штаб 27 армии. Направили в медсанбат. Обычно медсанбаты находились в трех километрах от линии фронта.

В тот день был сильный бой. Невозможно

было работать. Все ходило ходуном. Лыжники получили приказ легко раненых отвезти в лес. Оставались только тяжелые. Немного отошли и услышали, что сзади что-то ухнуло. Когда вернулись, то увидели, что не стало медсанбата.

Война — это страшно. Там некогда наблюдать красоту природы. Так уставали, только добирались до подушки и сразу засыпали. Все работали честно, до беспредела.

Затем служила в сортировочном эвакуационном госпитале. Бывало, что сопровождали эшелон с ранеными.

Вспоминаю, как все четко и слаженно было в госпиталях. Медики обживались быстро. Побелка помещения, первоначальная обработка. Не было такого понятия — сделать кое-

как и наспех. За короткое время помещение превращалось в настоящую больницу. Существовало обязательно несколько операционных столов, была строгая операционная этика. Это и позволяло 73 процента бойцов возвращать в строй.

Неправда, когда говорят, что в госпиталях пили. Хирурги работали по шестнадцать часов. Старшее поколение служило нам примером. Мы, молодые, у них учились деловитости, четкости, человечности. Мы хотели познать больше, чтобы приносить пользу.

В августе сорок четвертого заболела. С фронта вернулась в Алтайск, но долго болеть было некогда. Снова взялась за работу. И так всю жизнь.

А. МЕЗЕНЦЕВА.

Новое время_
1995_18 мая //
Научно-
справочная
библиотека, №
66

Никонов Н.

участник Великой Отечественной войны

В ЧЕСТЬ 30-ЛЕТИЯ ПОБЕДЫ

ЖИЗНЬ ПОБЕЖДАЕТ

В минуты воспоминаний о прожитом, военных трудностях и лишениях на память приходит рассказ А. Гайдара «Горячий камень». Читатель помнит, как был огорчен Ивашка, когда колхозный сторож отказался начать новую жизнь. Он не сожалел о покалеченной ноге, шрамах, инвалидности. Все это он получил в дни боевой и революционной молодости. И не жалость к себе вызывали раны, а гордость, уважение к своему прошлому испытывали такие люди.

...Май 1975 года. Станция Качалино Волгоградской области. Короткая десятиминутная остановка. Поезд замедляет стремительный бег. Выбегаю на перрон. Оглядываюсь, и перед моими глазами встают события далеких и суровых дней войны...

Станция Качалино была забита воинскими эшелонами, военной техни-

кой, различными грузами. В тупике стоял состав с бензином. На окраине отдыхали отступающие бойцы. Было это часов в восемь вечера.

Над станцией несколько раз появлялся вражеский самолет-разведчик. Наши зенитчики пытались сбить его, но безуспешно. Самолет противника благополучно вернулся к себе. А через некоторое время на станцию, словно стая ворон, налетели «юнкерсы». Два первых зенитчики сбили, а остальные обрушили на наши головы, железнодорожные составы, здания свой смертоносный груз.

Казалось, бомбы рвались повсюду. Вот несколько из них попали в эшелон с горючим. Взвилось багрово-черное пламя. Со страшным воем взлетали вверх и рвались цистерны. Горящий бензин, растекаясь по земле, сжигал все на своем пути.

Мы бросились в укрытия. Но и здесь, казалось, не было спасения от взрывов бомб, треска горящего в вагонах сахара, пронзительного свиста осколков. Это была первая в моей жизни бомбежка, и она была самой страшной, которые мне довелось пережить во время войны.

Все горит, гремит. Невыносимая боль в ушах, кажется, вот-вот лопнут перепонки. Около получаса бушевал этот огневой шквал. Постепенно все стало затихать. Не стало слышно разрывов бомб, только слабый треск догорающих вагонов нарушал тишину.

Мы вышли из укрытия. Едкий дым слезит глаза. Мертвая тишина окружила нас. Все в дыму. Изредка слышны слабые выстрелы наших зениток. Сирена объявила об окончании бомбежки. Смертоносная гроза прошла, и, казалось, что здесь всег-

да была выжженная пустыня.

Такой и осталась в моей памяти станция Качалино.

...Через тридцать с лишним лет, в мае 1975 года, я ехал на курорт в Нальчик. На станции Качалино выхожу на перрон и... не верю своим глазам! Вот новенький красавец — вокзал, а дальше — добротные красивые дома, радостные и нарядные люди. Станция Качалино жива! И живет она новой прекрасной жизнью. Некогда выжженная земля превратилась в цветущий поселок. Значит, наши бойцы, погибшие здесь, не зря отдали свои жизни. Они пролили кровь за этот поселок, вокзал, счастливых людей. «Да разве можно жалеть о прошлом, — стыдиться своих ран, — подумалось мне, — когда наш подвиг победил смерть?»

Н. НИКОНОВ.

Сельская новь_1975_16 августа // Научно-справочная библиотека, № 46

Овчинникова Ольга Васильевна, связистка на Ленинградском фронте

ОЛЬГА Васильевна Овчинникова с апреля сорок второго по ноябрь сорок четвертого была связисткой в действующей армии. Когда девятнадцатилетняя Ольга ехала на фронт, она не понимала, как страшно оказаться под бомбежкой. До самой части девушки везли в женской одежде. В душе не

Даже когда самолеты сбрасывали бомбы, девушки-связистки оставались на высоте. А если уж сильная бомбежка, то бежали в укрытие. Был и еще один враг у связистов — это холод. Первый год валенки не выдавали, сапоги к ногам пристывали. Так до сорок четвертого года Обслуживали связисты

Скупая слеза фронтовика

Было даже ощущение опасности. Все едут и она вместе с мужем — их призывали с Чемкиентского телеграфа.

В Москве переформировали и отправили девушек в Волхов на разъезд.

— Это не передовая, но бомбили нас ежедневно. Немец пытался уничтожить железнодорожный мост, через который снабжался Ленинград, — вспоминает Ольга Васильевна.

Нелегко было техникам-восстановителям связи на войне. Казалось, можно и привыкнуть к изнуряющим бомбежкам, но к смерти не привыкнешь. Порывы были ежедневно. Приходилось соскакивать ночью. Но тогда они были молоды, все трудности преодолевали легко. Ольга быстро взбиралась на пятидесятиметровый столб, пописала на веревочной лестнице и старалась побыстрее наладить связь.

Октябрьскую дорогу на Ленинград.

— Только соединившь провода, а немец тут как тут, рвет, и снова приходится тянуть. Не успевали позавтракать, — рассказывает Ольга Васильевна.

На Алтай она вернулась в конце сорок четвертого. Еще долго не забывались кошмары войны. Снился разрушенный Волхов...

Победу она встретила в тихой алтайской деревне. Но было так горько и обидно. В Эстонии погиб муж, почти всю войну они были вместе, но в мирное время не пришлось пожить, порадоваться.

Ольга Васильевна и теперь не может спокойно смотреть фильмы о войне. Стоит вспомнить те годы, и слезы сами наворачиваются на глаза. Это там, на войне, они были скупыми, а сегодня можно их не стесняться.
Н. ЧАШТАНОВА.

Новое время_1995_13 июля // Научно-справочная библиотека, № 66

«...Звучит другой приказ»

Александр Иосифович ОСТАНИН. Родился в деревне, в крестьянской семье. Жили трудно, потому и не пришлось особо учиться грамоте. Зато к труду в семье Останиных приучали с малолетства. Здесь всегда бесловесно, но крепко любили землю, на которой жили, которая их, вечных земледельцев, кормила. Но началась война. И 24 июня Александра Иосифовича проводили на фронт.

Ему повезло: контуженный, раненый, но он вернулся. Ордена и медали за боевые заслуги положили в сундук, туда, где лежало все лучшее. А сам солдат вернулся к земле: пахал, сеял, убирал хлеб. К боевым наградам прибавился орден Ленина за труд.

— Тогда, в июне, я впервые увидел, как велика, просторна наша земля. Поезда ходили не то что сейчас. Ехали день, и два, и неделю, а все Россия продолжалась. Да и шутки ли сказать: из Сибири приехали мы в Ленинград. Выгрузились на станции Жихорево. Осень была уже поздняя, вот-вот зима ударит — самое пакостное время. Ленинград-то немцы уже обложили со всех сторон. Поэтому бои велись как правило, ночью. Как ночь — так наступление, как ночь — так наступление.

Я до войны хлеб растил. Стрелял, правда, неплохо — ворошиловский стрелок был, но ни с каким другим оружием не был знаком. Да и не обстрелян еще. И вот у этого Жихорева приняли мы первые бои. Ночные. Наверное, самые трудные, и самые бесполовые у меня тогда были дни.

— Где-то на третий — четвертый день был очередной бой. Я оторвался от сна, потому что впереди заметил наш подбитый танк. Удивлю, укронюсь за железом, и мне будет удобнее стрелять, видно дальше, и безопасно, железо все же. Рядом со мной еще парочка полт. Свалились мы с ним в воронку, где нашли автомат. «Покажи, — говорю

ему, — как он действует. Ничего, оказалось, хитрого. Взял и его для воздушного прицеливания. Когда немного приутихло, поползли мы дальше к танку, и тут товарища срезало пулей. Я же сумел добраться и залез в танк — благо башня была открыта. Осмотрелся — никогда ведь прежде не был в танке, потом посмотрел кругом. Вижу, из серая немцы строчат по нашим. Поднял автомат и пустил очередь. Попал ли, нет ли, но замолчали вроде. Смотрю, а с другой стороны еще один ползет. Полоснул и туда. Не знаю, сколько я так провол времени: мне все видно, казалось, и я в полной безопасности. Танк-то, думаю, железный. А фашисты меня засекли, да как шерахнут по танку... Вот тогда я и понял, что война — это страшно, и даже танк не защита.

Вылез, пополз к воронке, где леши. А по танку бьют. И все же в этот день мне повезло. Но через день ранило, и я первый раз попал в госпиталь. Кстати, там произошла у меня интересная встреча. Рядом на койке лежал раненый. Вот он и рассказывает, что какой-то чудак залез в танк, который под носом у немцев, и все время был оттуда из автомата. «А как, спрашиваю, — надо было?» — «А тебе зачем?» — «Чтобы знать в следующий раз. Я это была».

Немного подлечился, и на формирование под Старую Руссу. Здесь изучил «максим», как следует познакомился с автоматом. Здесь был зачислен в роту автоматчиков. Так до конца войны и пробыл в роте автоматчиков. Несколько раз ранило, контузило, но вновь возвращался в строй.

Помню, были мы под Сталинградом. Пожалуй, за всю войну мне не приходилось видеть более массированного удара, чем там. Бой почти не прекращался. Если самолеты шли бомбить и без этого разрушенный город, то не было видно неба — все кругом усеивали бомбами. Иногда казалось, что после их ухода уже никто не поднимается. Потери мы несли большие, и не все же поднимались. Нам в то время был отдан приказ бить по самолетам из любого вида оружия. А у меня, кроме автомата, и «максим». Рядом со мной в окопе был один парень — сибирячок. Окоп у нас был вырыт бухкой чл. Смотрю, — летят. Мы — в окоп. Но я перепутал свое место, и он прыгнул рядом: «Иди и себя». Пришлось ползти. Ударили мы по самолетам почти одновременно. Шестерка развернулась к нашим позициям. И первое же попадание — около нашего окопа. Меня засыпало, а моего дружка так и не нашли.

Сколько их было за войну потеряно. Нас из роты

Останин Александр Иосифович,

Гвардии сержант 77 Гвардейской стрелковой дивизии

Как я остался жив

Служил я тогда в 77 Гвардейской стрелковой дивизии в роте автоматчиков. Наша рота должна быть при дивизии для охраны штаба. А на самом деле, где туго, нас и бросают «для поддержки штанов». Вот и бросили в бой.

Когда в наступление пошли, увидел немца. Знаю, что «язык» четыре дня никак не могли взять.

Кругом стреляют, бегут вперед. Я за немцем и увязался. Он здоровый, а нас кормили рыбой и пшенкой. Вот я за ним и взялся бежать. Стрельну на ходу и дальше. Так бы я его убил, но «язык» нужен, а я его не могу взять. Он в окоп, я за ним, там блиндаж или что было, не знаю, врать не буду. Сжимаю гранату и по блиндажу. Оглянулся, а я один. Впопыхах не заметил, как от своих оторвался.

Смотрю, еще один такой же дурак, как я, тоже за ним гнался. В немецкий окоп мы вдвоем с Воликом, он украинец, и влетели. Волик спрашивает: «Что, сдаваться будем?». Он комсомолец. Смотрю, документы прячет.

Отвечаю: «Нет, у нас есть оружие, гранаты». Немцев в это время в окопах не было, наши их выбили. А к вечеру возвращаться стали. Мы легли в воронку и лежим. За нами никого. Решили возвращаться к своим ночью. Видим, танк подбитый. На него и стали ориентироваться. Ночи дождалось. Ползем у немцев вдоль окопов. А немец нас из-за отвала не видит. Фрицы умные. Когда наши окопы копают, то насыпь к противнику делают, а немцы наоборот. Их пулемет гаргочет, миномет ухнет и замолчит. Надо было преодолеть немецкий окоп. Волик говорит: «Лезь». Думаю, раз документы спрятал, еще останешься. Говорю: «Лезь». Он автомат через окоп положил и как уж перелез, я за ним. Тут уж я вперед ползу к танку. Ну, думаю, теперь он не отстанет от меня.

Страшно. А вдруг наши же нас и хлопнут. Говорю: «Давай ползи и охать». Так и сделали. Слышим, наши кричат. Выползли на пулемет. Пулеметчик и говорит: «Давно вас заметил. Ладно что ойкали, если бы не делали этого, то срезал бы».

А. Останин,
гвардии сержант

Фото: Новое время_1984_8 мая // Научно-справочная библиотека, № 52

Новое время_1985_23 февраля // Научно-справочная библиотека, № 53

Новое время_1995_9 мая // Научно-справочная библиотека, № 66

Проскурин Иван Георгиевич,

ветеран 372 стрелковой дивизии

Легендарная 372 стрелковая дивизия формировалась в Барнауле. В состав этого прославленного воинского соединения вошли десятки наших с вами однополчан — сорокинцев. Бывшие воины этой дивизии очень частые гости в нашей редакции. В канун Дня Победы они провели беседу за круглым столом, поделились впечатлениями о войнах легендарной дивизии, прорвавшей блокаду Ленинграда 12 января 1943 года.

В редакцию и сейчас поступают письма-воспоминания воинов этой дивизии. Сегодня мы предлагаем вниманию читателей записки фронтовика ИВАНА ГЕОРГИЕВИЧА ПРОСКУРИНА об основных этапах пути 372 дивизии, о боевом подвиге наших земляков.

Славный боевой путь прошла сформированная в Барнауле 372 стрелковая дивизия. Боевая история Новгородской Краснознаменной дивизии является образцом высоких моральных, политических и боевых качества воинов-агитцев. В ее состав вошли сибирские партизаны, вечерящие учителя, врачи, шахтеры, колхозники, рабочие.

После напряженной учебы, в ноябре, дивизия эшелонами была направлена на фронт. В конце 1941 года, получив боевой приказ, дивизия заняла позиции в районе Грузино на Волхове в составе 59 армии, которая готовилась перейти в наступление, имея задачу овладеть городом Чудово. Более пяти часов потом шел бой, но ни на одном участке не удалось добиться сколько-нибудь значительного успеха. Отважные сибиряки вновь и вновь поднимались в атаку. Но враг встречал их свинцовым градом.

В феврале дивизия сосредоточилась в новом месте, южнее Спасской Полисти. Прорвав оборону противника, уским клином выдвинулась вперед на 75 километров. Однако враг сосредоточил до пяти пехотных дивизий и нанес даусто-

куприя Николаевич, Афанасьев Михаил Николаевич, Волынкин Максим Михайлович. Ведя ожесточенные бои с противником, артиллеристы обеспечили выход из окружения частей 2-ой ударной армии. Во время прорыва отличились бойцы Калабин Павел Алексеевич, Зыков Иван Васильевич, Янчук Федор Петрович, Гусельникова Алевтина Николаевна.

противника и заставил его умокнуть. Тяжело раненый он не покидал поля боя, продолжал бить фашистов. 18 января 1943 года в 9 часов 30 минут на восточной окраине рабочего поселка № 1, прорвав блокаду Ленинграда, встретились войска Ленинградского и Волховского фронтов. Встреча воинов 372 дивизии была по-солдатски простой. Солдаты обнимали друг друга.

территорию Пруссии, которая была охвачена фашизма и германского милитаризма.

В период наступления Указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение заданий командования в боях с немецкими захватчиками 372 дивизия была награждена орденом Красного Знамени.

За отличные боевые действия с немецко-фашистскими захватчиками при овладении портом и крепостью Данциг 1236 стрелковый полк был награжден орденом Александра Невского, 1240 стрелковый полк — орденом Кутузова.

В тихую майскую ночь на острове Рюген воины дивизии несли боевую вахту. И вот в репродукторах знакомый голос диктора Левитана. Москва торжественно возвестила о полной победе над фашистской Германией. о всенародном торжестве победителей. Ликовали и мы, воины 372 стрелковой Новгородской Краснознаменной дивизии, которые в тяжелые дни 1941—1942 годов в снежные бури, по колено в болотной грязи, под огнем тачки орудия, приближаясь к победе.

Прошло 37 лет с тех пор, когда залпы майского салюта возвестили всему миру о завершении самой кровопролитной, самой суровой войны. О подвигах ратных и о больших потерях в годы войны мы сегодня вспоминаем потому, что без них невозможна была бы нынешняя жизнь — жизнь полной радости и созидания.

И. ПРОСКУРИН,
ветеран бывшей 372 стрелковой дивизии.

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ МИНУВШИЕ ДНИ...

ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ

ронный удар по основанию этого выступа. Воины дивизии вновь вступили в жестокие бои. Фашисты по несколько раз в день атаковали наши позиции. Батальон под командованием В. Д. Федоровского в одном бою 24 марта уничтожил более 100 фашистов, захватил 9 орудий, два миномета. Четырежды раненый командир не покинул поля сражения.

У захваченного в плен немецкого ефрейтора было обнаружено неотправленное письмо: «Будь проклято, — писал он, — то место, где мы находимся, каждый день бомбят с воздуха, нападения разведки, артиллерийский обстрел и главное — страшные русские тыткни».

Много славных страниц написали в боевую летопись дивизии артиллеристы 941 артиллерийского полка наши земляки — Тумайкин Петр Иванович, Баранов

В ноябре 1942 года Ставка Верховного Главнокомандующего дала директиву войскам Ленинградского и Волховского фронтов совместно усилиями разгромить группировку противника в районе Япика-Гайтолово и таким образом прорвать блокаду Ленинграда.

Ранним утром загудела земля. В течение одного часа 45 минут продолжалась артподготовка. В целях батальонов первого эшелона агитаторы напомнили воинам:

— Вои, ты судья! За каждую детскую слезинку, за каждую каплю детского горя отомстим! Идя в атаку, помни: перед тобой убитый ленинградских детей. Не промахнись! Отплати!

К утру 15 января полки дивизии плотным кольцом окружили поселок № 8. Парторг первого батальона 1236 стрелкового полка наш земляк Баранов Александр Дмитриевич увлек бойцов в атаку на огневую точку

У многих катились слезы.

В ночь, на 16 января 1944 года, в сильную пургу полки дивизии форсировали верховье озера Ильмень, перерезали дорогу Новгород—Шимск. К утру 10 января Новгородская группировка противника была полностью окружена. В 11 часов 25 минут над Новгородским кремлем взвилось победоносное Красное знамя. В ознаменование одержанной победы дивизии было присвоено почетное наименование «Новгородская».

В начале апреля 1944 года дивизия была переброшена на другой участок Ленинградского фронта в состав 21 армии и получила задачу — штурмом овладеть городом Выборгом. По случаю прорыва линии Маннергейма и освобождения города Выборга полки дивизии получили наименование Выборгские.

Великий праздник 7 ноября 1944 года бойцы и командиры 372 дивизии отметили в Польше. Вскоре воины дивизии вступили на

Новое время_1982_
5 октября // Научно-
справочная библиотека,
№ 51

ПО ДОЛГУ СОВЕСТИ

Стояло жаркое лето 1942 года. На небе ни облачка. Земля, израненная осколками снарядов и палящим солнцем, потрескалась, пожелтела. Маленькие трещины, причудливо изгибаясь, обрывались на рваных краях воронок.

Березовый колок, что стоял рядом с окопами наших солдат, сильно поредел. Повсюду виднелись вывороченные с корнем березы. Закопченные стволы с изломанными вершинами тревожно шумели под сухим июльским ветром.

Гвардии рядовой Усольцев, усевшись на дно окопа, перебирал пулемет. Он только что побывал в Ленинграде, где видел последствия первой блокадной зимы, суровые изможденные лица ленинградцев, слышал голос из репродуктора, рассказывающий об умерших от голода. В основном это были дети, старики, женщины...

А сколько боевых товарищей полегло за долгие месяцы войны! Лежат они и здесь, на священной ленинградской земле. А где-то на Урале и в Сибири, Казахстане и Поволжье их ждут матери и невесты, жены и дети. Не лейте слез, когда печатные казенные строки донесут последнюю весточку о погибшем, не расслабляйте тело тоской и болью, а крепче сожмите зубы, спрячьте горе в дальний уголок сердца, а помогите живым в смертном бою, помогите дойти до победного дня.

Комок подкатывается к горлу, руки до белых овалов в ногтях сжимают автомат. Кажется, попадись сейчас фашист, разорвал бы его холеное тело, до хруста сжал бы пальцы на горле ненавистного врага.

— Рядовой Усольцев? — раздался рядом вопросительный голос командира батальона. — Сибиряк? Глаза капитана смотрят серьезно, с нетерпеливым желанием услышать утвердительный ответ.

— Так точно, сибиряк, товарищ капитан! — Справившись с минутой смущения, докладывает Усольцев.

— Тогда собирайся, пойдешь в разведку! Коротко, без лишних слов приказывает командир батальона.

В тесном блиндаже их собралось двенадцать солдат, все сибиряки, народ крепкий, бывалый. Задачу ставил сам подполковник Саидов.

— Вам, сынки, нужно достать «языка!» — говорил он. Голос его звучал не по-военному мягко, глуховато. — Без точных сведений об огневой системе врага нам станцию Лигово не взять. Знаю, что посылаю вас на трудное дело, но иначе нельзя. Командиром группы пойдут старший сержант Данилов.

— Все ясно? — И, подождя с минуту, закончил:

— А теперь соберитесь, отдохнуть и ночью выступать!

...Ночь. Лишь изредка противник пускает осветительные ракеты. От их света видны окопы врага, опутанные колочей проволокой.

Из наших окопов неслышно скользнули двенадцать теней. Поползли, прижавшись всем телом к земле. Под жи-

вотом зашуршала засохшая трава.

— Черт бы ее побрал, — мысленно ругался Усольцев.

Преодолели минное поле, колючую проволоку, приблизились к окопам противника. В ночной тишине отчетливо слышится храп. Враг рядом, до него легко дотянуться рукой. Усольцеву вспоминаются изможденные лица ленинградцев, прозрачные от голода руки детей, израненная осколками вершина березки... Знакомый комок подкатывается к горлу, руки невольно тянутся к гранате. С криком, рвавшимся из глубины души, хочется ворваться в окоп, бить, бить беспощадно по сонному лицу врага...

...Кто-то тронул Усольцева за плечо. Очнувшись от дум, увидел жест старшего сержанта в сторону часового. Понял, что решено взять «языка».

Теперь все решали секунды и даже доли секунд. Гулко стучит сердце, кажется, удары его слышны часовому, но он спокойно идет навстречу. Постояв в двух шагах от бугра, где затаились разведчики, повернулся спиной. Пора...

Три фигуры метнулись разом. Данилов зажимает рот часовому, а Усольцев и Сомов опрокидывают его на землю, связывают руки. Фашист дрыгает ногами, мычит, вертит головой, пытается освободить рот.

— Пристукни его, Усольцев, — шепчет старший сержант. — Пусть поостынет немного.

Усольцев Вл.

Гвардии рядовой

Усольцев выхватывает гранату и, широко замахнувшись, хочет с силой опустить ее на каску фашиста. Волна слепой ярости поднимается в нем. В глазах стоят лица убитых товарищей, погибших ленинградцев. И убей сейчас Усольцев врага, ничего страшного для него не было бы. Мало ли что бывает в смертельной схватке. Можно со всей накопившейся яростью обрушить не один, а десятки ударов по голове врага, можно терзать его руками, рвать за горло зубами. Солдат имеет право на возмездие.

Но долг говорит другое. Ярость не должна побеждать рассудок. «Язык» должен говорить. И проснувшийся в душе зверь отступает перед человеком. Силу удара определяет рассудок. Часовой обмяк, можно нести его спокойно.

...На востоке поднималось солнце, когда гвардии рядовой Усольцев вернулся в свой окоп. В ногах у него стоял пулемет, а сам он устало прислонился к краю окопа. Взгляд его прошелся по небольшому колку, вершинам деревьев и остановился на знакомой березке, со срезанной осколком вершиной. Горячая волна нежности охватывает сердце солдата.

— И за тебя, родную, — мысленно обратился Усольцев к израненной березке, — как и за всех погибших, я должен отомстить врагу. Но отомщу в честном бою, как этого требует моя совесть.

Вл. УСОЛЬЦЕВ,
с. Старо-Драченко.

Сельская новь_1976_
8 мая // Научно-
справочная библиотека,
№ 47

ПО ПУТЯМ-ДОРОГАМ ФРОНТОВЫМ

НА СНИМКЕ: капитан запаса Н. Черкашин.

ПРОШЛО 23 ГОДА СО ДНЯ ПОБЕДЫ. Но память не стерла ни больше, ни малые эпизоды войны, бомбежки, ураганные артобстрелы, танковые тараны, огневые и рукопашные бои, руины, пепелища, тысячи и тысячи убитых, раненых, обездоленных, заживо сожженных. Нет, такое не забывается.

Первое боевое крещение и принял под Москвой в самое тяжелое для Родины время. Превосходящими силами, особенно в танках и авиации, враг пытался окружить столицу и взять. Да не по зубам оказался орешек. Здесь фашистская армия была обескровлена. Начался ее разгром.

На Калининском направлении против нас стояла 16-я немецкая армия, включающая немало отборных эсэсовских частей. В начале декабря 1941 года после мощной артподготовки наши танки во взаимодействии с другими родами войск прорвали оборону врага. Полку, в котором я служил, предстояло взять станцию Нелидово. В ходе наступления отстала артиллерия. Задача пехоты усложнилась. Роты встали на лыжи, обошли станцию и завязали рукопашные схватки. Фашисты бежали, оставив раненых. Многие сдались в плен. От вчерашних спесивых воjak, не раз кричавших: «Рус, сдавайся!», в те дни впервые мы услышали: «Гитлер, капут!».

..Под Ржевом меня ранило. Лечился в г. Горьком в госпитале. Оттуда был направлен под Воронеж в мотострелковую дивизию. Затем снова ранение, госпиталь в Тамбове и снова фронт.

Осенью 1943 года, после знаменитого орловско-курского сражения, началось массовое изгнание немцев с Украины. В войсках маршала Конева мне довелось с ходу форсировать Днепр. Ночью бесшумно погрузились в лодки. Немцы открыли огонь, когда мы были у правого берега. Конечно, пришлось бы туго. Помогли партизаны, с тыла напавшие на противника. Плацдарм, который мы захватили, имел не последнее значение в боях за Киев, где меня третий раз зацепила вражеская пуля.

Вернулся в часть перед началом операции, развертывавшейся под Кишиневом и Яссами, исход которой положил начало освобождению от фашистского рабства Балканских государств. Помню, настроение было таким, какое трудно описать. Настолько был величественен и грозен порыв войск. «Только вперед!» — слышалось всюду.

А впереди на нашем участке лежала река шириной с Чумыш. Наш полк и два батальона соседней части захватили плацдарм. Ночью до позиции роты, которой я командовал, донеслись шум моторов и подозрительная воз-

ня пехоты. Догадывались, немцы что-то готовят. Послал разведку. Опасения подтвердились. Тактический замысел противника сводился к тому, чтобы фронтальной атакой танков и пехоты на рассвете сбросить нас в реку. Надо было опередить врага. Позвонил в штаб батальона. Связь оказалась прерванной. Звоню «бате», так мы звали командира части, Героя Советского Союза Левашева. Он одобрил мой план, приказал связаться с соседними батальонами. Условно ввелись атаковать противника внезапно. Даю сигнал — две ракеты. Раздалось мощное «Ура!». Враг никак не ожидал, что зацепившаяся за враг пехота без поддержки артиллерии малыми силами рискует наступать. Ошеломленные немцы начали беспорядочно отходить. Мы ворвались в крупный населенный пункт Гастомиль. Первыми в стане врага опомнились власовцы, открывшие ураганный пулеметный огонь. Но было поздно. За эту операцию меня наградили орденом Александра Невского, за другие, а их было немало, орденами Красной Звезды, Красного Знамени, Отечественной войны, медалями.

Дальше путь пролегал по фронтовым дорогам Румынии, Венгрии, Югославии, Австрии. Всюду нас встречали как освободителей. Как только перешли государственную границу, румыны стали доброволь-

но сдаваться в плен. Как-то против моей роты стоял румынский полк. По телефону «бате» приказал: бери в плен без боя. Я рискнул. Взял двух автоматчиков, пересек линию фронта и в местечке Шерест явился в румынский штаб. Утром полк был выстроен у церкви. Его не стали разоружать. Позднее он сражался против немцев. Не раз мы помогли ему, особенно огнем прославленных «Клатюш». На Балканах мы трижды форсировали Дунай и всюду чувствовали поддержку местного населения, партизаны.

В самом конце войны в Австрии получил четвертое ранение. Отлежал в югославском госпитале, попал снова в Румынию, в г. Констанцу, откуда демобилизовался в должности заместителя командира батальона.

Так по дорогам войны я прошел от Воронежа через Украину, Румынию, Венгрию, Югославию, Австрию. Путь измеряется не одной тысячей километров, путь наполненный... нет не романтикой, а постоянным риском, солдатским трудом, требующим подчас нечеловеческих усилий, ратных подвигов...

Что еще могу сказать о войне? Прежде всего, чтобы не было ее. Но для этого надо держать порох сухим.

Н. ЧЕРКАШИН.
с. Старо-Копылово.

Чернобаб Иларион Алексеевич

06.06 (05).1919 г.р.

Хорошая стенная газета выходит на Заринском заводе «Лесхозмаш». Каждый номер ее красочно оформляется. Каждый имеет свое лицо.

Особенно интересно ведется в газете тема подготовки к празднованию 30-летия нашей Победы в Великой Отечественной войне. Газета рассказывает своим читателям о том, как, какими трудовыми успехами готовятся лесхозмашевцы встретить день нашей славной Победы, как несут они трудовую вахту, как проходят ударные субботники, посвященные городам-героям.

Подготовка к празднованию нашей Победы здесь прослеживается и в нескольких ином плане. Из номера в номер газета предоставляет свои колонки бывшим фронтовикам. Они вспоминают о былых походах, об интересных случаях фронтовой жизни, о солдатской смекалке, печатают свои стихи, написанные в суровые годы войны.

В одном из номеров бывший фронтовик Иларион Чернобаб рассказал читателям газеты о том, как выручила их когда-то солдатская смекалка.

— Наши части, — рассказывает автор, — готовились к решительному наступлению за освобождение Калинина и Ржева,

Обзор стенной печати

РАССКАЗ ВЕДУТ ФРОНТОВИКИ

поэтому боевые укрепления наши носили временный характер. Но укрепляться надо было. А как укрепить позиции, если они хорошо просматриваются врагом с крутого берега днем и ночью, а под рукой — ни бревен, ни досок?

Немцев мы только выбили из низины. Получилась ничейная полоса. Там у них остались хорошо укрепленные позиции и даже дома. Вот мы туда и ползали по льду за бревнами и досками. В полнейшей темноте заберешься в дом, там сделаешь факел из толги и, не опасаясь, разбираешь по бревнышку дом. Немцам неудобно было обстреливать низину. Потом бревна и доски укладывали на сани и переправляли к своим позициям. Так, благодаря солдатской смекалке, не имея под руками, можно сказать, ничего, наш расчет соорудил блиндаж с двумя накатами бревен.

Правда, здесь мне не повезло. Стоял я на верху блиндажа и уже маскиро-

вал его снегом, как вдруг, после очередной вспышки ракеты, раздалась пулеметная очередь, и меня ранило.

Пролежал в госпитале около пяти месяцев и догнал свою часть уже под Смоленском.

На днях на «Лесхозмаше» вышел свежий номер газеты «За качество». Внимание читателей несомненно привлекла заметка, в которой говорилось:

Военное время... Каким бы тяжелым оно ни было, в минуты затишья каждый солдат стремился послать короткую весточку домой, отправить всем знакомый и близкий треугольник.

Временем солдат не располагал. Письма чаще всего были короткими. Если письмо предназначалось матери, все оно было пронизано теплотой, заботой о ее здоровье, о том, как ей живется.

Вот какое письмо написал своей матери в 1943 году фронтовик, теперь рабочий-термист завода Николай Савватеевич Тагильцев:

ПИСЬМО МАТЕРИ

Старушка -мать, или
скучаешь, —
Зачем так долго у окна
Стоишь и слезы

вытираешь
Краями белого платка?

Гудит как прежде
мастерская.

Идет работа чередом,
Но нет ведь там, моя

родная,
Твоего сына за станком.

Раненье легкое, подлечат
И я вернусь, родная,

в строй.

И время то не так далече,
Когда вернемся мы домой.

Братиншка пишет, стал
танкистом.

Провел удачно первый
бой.

Давил безжалостно
фашистов

За их чудовищный разбой.

Не нужно плакать,
мать-старушка.

Придет желанная пора —
Вернется счастье

в комнатушку,
И мы присядем у стола.

Сестренку младшую
прихватим,

Как агронома наших дней.
Что ж, о войне рассказы

— братьям,
А о полях — поручим ей.

Обещает быть интересным и следующий номер газеты. «За качество». Редколлегия планирует посвятить его Коммунистическому субботнику.

Сельская новь_1975_
19 апреля // Научно-
справочная библиотека,
№ 46

Шапоров Г.

участник Великой Отечественной войны

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ
МИНУВШИЕ ДНИ

НА ДОРОГАХ ВОЙНЫ

ШЕЛ ИЮЛЬ грозного 1941 года. Наша стрелковая дивизия, состоявшая в основном из сибиряков-алтайцев, приняла первое боевое крещение под городом Бельм. Враг на этом направлении сосредоточил большие силы пехоты, танков и авиации. Первая атака, которую нам пришлось отбивать, была цеховичской. Гитлеровцы шли в атаку как на параде. Зрелище потрясающее. Командир нашей дивизии генерал-майор Поденов приказал подпустить их на расстояние 200 метров и встретить шквальным огнем из всех видов оружия. Противник не устоял и бросился в паническое бегство. Пехотическая атака захлебнулась.

В тот день противник принял четыре атаки, и все они были успешно отбиты. Почти весь личный состав врага остался на поле сражения.

Утро следующего дня привело нас новое, еще более тяжелое испытание. Противник вновь перешел в наступление, теперь уже при поддержке большого количества танков и авиации. Части наши не выдержали натиска гитлеровцев и оставили свои рубежи. Отступали с жестокими боями, нанося противнику

большие потери в живой силе и технике.

Яркой страницей в моей памяти и памяти однополчан навсегда останется 6 декабря 1941 года. В этот день началось решительное контрнаступление войск Западного, Юго-Западного и нашего, Калининского фронтов. Дивизии нашей была определена задача прорвать оборону противника, освободить Калинин и отрезать отступление противника на Ржев.

В ходе ожесточенных боев вражеская группировка терпела одно поражение за другим. Ее недобитые части отходили на запад. Первыми ворвались в Калинин солдаты 916 стрелкового полка и воодушевились над городом красные знамя.

В боях наши солдаты и офицеры проявили стойкость, мужество, образцы героизма. Особенно отличилось подразделение старшего лейтенанта Петрова и старшины Сусликова, вступившее в схватку с превосходящими силами противника. Натиска смельчаков враг не выдержал и обратился в паническое бегство. В этом первом бою героически погибли Петров и Сусликов. Светлая память о них навсегда останется в наших сердцах.

(Окончание на 3 стр.).

На дорогах войны

(Окончание. Нач. на 2 стр.).

Здесь мы увидели зверства, которые чинили на русской земле гитлеровцы. Мы видели больницу, в которой всех наших больных немецкие врачи умертвили, введя воздух в вены. В городе Локте, освобожденном нашими частями, солдаты раскопали два больших яма, где заживо были погребены тысячи ни в чем неповинных детей, женщин и стариков. Угневом, ненавистью горели сердца солдат, руки жаждали мести.

Городок этот весь утонул в зелени. Немецкое командование организовало в нем дом отдыха для офицеров. Сюда из Германии приезжали офицерские жены. А как развлекались господа немецкие офицеры? Возле танцевальной площадки стояли виселицы, и во время танцев, под звуки духового оркестра, на них вешали партизан.

После разгрома 16-й немецкой армии в районе Асташково—Бологое наше соединение

было переброшено на Орловско-Курское направление, в район Ельца.

Здесь, в начале июля 1943 года, немцы вновь попытались начать наступление. На наши позиции было брошено большое количество танков с пехотой, с воздуха вражеские войска поддерживали крупные силы авиации. Но как ни старался враг, все яростные атаки его разбиты о беспримерную стойкость воинов-сибиряков. Наши части не только сдерживали натиск врага, но и контратаковали его.

...Измотав и обескровив противника, мы перешли в решительное наступление и 5 августа 1943 года после упорных боев освободили Орел.

Еще большие успехи принес нам 1944 год. В конце июля войска Белорусских фронтов окружили в районе Бобруйска и Витебска крупные вражеские группировки. Наша стрелковая дивизия участвовала в освобождении столицы советской Белоруссии—г. Минска.

Продолжая развивать наступление, наше соединение столкнулось здесь с большими трудностями, вызванными тем, что все тыловые подразделения оторвались от боевых частей и оказались в тылу вражеских группировок. Горючее кончилось. Мы вынуждены были автотранспорт, боевую технику оставить в лесу и продолжать наступление. Здесь мы вели бои, взаимодействуя с партизанами. А с какой теплотой, сердечностью, с какой радостью встречали нас люди освобожденных сел и городов!

1945 год встречали мы уже в Восточной Пруссии. Прорвавшиеся к Балтийскому побережью, наши войска образовали так называемый «пруссский котел», в котором оказались десятки фашистских дивизий. Бои продолжались. Особенно упорно сопротивлялся враг в районе города Мильзак. После двухдневных упорных боев враг отступил за городскую черту, ведущие к вокзалу, просматривались и находились

под постоянным минометным обстрелом. Здесь 18 февраля, на пути следования к командному пункту, был смертельно ранен командующий фронтом, генерал армии, дважды Герой Советского Союза тов. Черняховский И. А. Теперь этот город носит его имя.

После разгрома восточно-прусской группировки, наш корпус вошел в войска первого Белорусского фронта. Шли мы по вражеской земле, а 16 апреля начали наступление на само логово фашистского зверя — Берлин. Артиллерия открыла ураганный огонь по вражеским укреплениям. Вслед за огненным валом в атаку двинулись наши танки, с воздуха их поддерживали тысячи самолетов. Вслед за танками пошла пехота. Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись на нашем участке, но сопротивление их было сломано. Десять суток шли ожесточенные бои на улицах Берлина. Второго мая берлинский гарнизон капитулировал.

Хочется особо подчеркнуть, что на всем протяжении войны сибиряки-алтайцы проявляли беспримерный героизм, му-

жество и отвагу. Немало талантливых командиров вышло из них война. Начальник штаба корпуса полковник Вячеславович начал войну лейтенантом, был командиром взвода. Начальник штаба полка майор Савиных был командиром отделения, командир 1172 стрелкового полка, подполковник Манузин до войны был бухгалтером в совхозе, в армию призван из запаса, в звании мл. лейтенанта. Таких было немало.

Родина высоко оценила боевые заслуги сибиряков. За проявленное мужество и отвагу звание Героя Советского Союза присвоено летчику Ивану Григорьеву. Не дождался Григорьев радостного дня победы, погиб. Сейчас на родине героя в г. Новоалтайске ему воздвигнут памятник. Звания Героя Советского Союза удостоен рядовой, житель села Контышино Первомайского района Иван Кошелев. Многие награждены медалями и орденами Советского Союза.

Г. ШАПОРЕВ,
участник Великой Отечественной войны.

Яковлев Михаил

Романович,

сержант, артиллерийский разведчик

Сельская новь_1970_19 марта // Научно-справочная библиотека, № 41

ЗА РОДНУЮ ЗЕМЛЮ

Из мастерской Малиновского известкового завода доносится шум работающих станков. Быстро вращается фреза, оставляя за собой гладкий след. Пожилой человек внимательно следит за работой станка. На лице у него легли сеткой морщины. Это говорит о том, что Михаил Романович хлебнул много горя. До сих пор бывает, когда он видит во сне близкие разрывы снарядов, повиснет пуль, слышит чужой, гортанный голос...

В обеденный перерыв мы зашли в комнату отдыха и разговорились.

В 1941 году Михаил Романович Яковлев работал в городе Гурьевске на заводе в мартеповском цехе. В воскресенье 22 июня он с женой Василисой Родионовной и дочкой Людмилой решил съездить за город. Но неприятная весть нарушила все планы.

22 июня радио принесло горькую весть о нападении фашистской Германии на Советский Союз. Василиса Родионовна начала упаковывать вещи мужа в солдатский рюкзак. Михаил Романович сидел с дочуркой. Людмила, прижавшись к отцу, о чем-то лепетала. Она еще не понимала, что над страной нависла смертельная угроза, что небо стало дымное, окутанное пеленой взрывов.

На сборном пункте Михаил распрощался с женой и дочкой. Его зачислили в артиллерийскую разведку.

Четыре года с оружием в руках сержант Яковлев защищал родную землю от ненавистного врага. Во многих

боях пришлось ему участвовать.

Когда советские войска форсировали Дунай, Михаил Романович находился в интендантском взводе. Восемнадцать солдат, в том числе и сержант Яковлев, охраняли склад боеприпасов.

Гитлеровцы прорвали линию обороны. Они хотели за-

бой затих, мы стали переносить боеприпасы в укрытия.

Утром враг снова перешел в наступление, но его замысел о захвате складов не удался. На помощь смельчакам пришли наши войска и авиация. Они разбили врага. За мужество, проявленное в боях с фашистами, сержанта Яковлева

хватить склады. Восемнадцать смельчаков встали на охрану боеприпасов. Целый день интендантский взвод мужественно сражался с неприятелем.

—Бой не смолкал,— вспоминает Михаил Романович,— из восемнадцати человек нас осталось восемь. Солдаты решили биться до последнего, а уж коли силы иссякнут— взорвать склады, не дать воспользоваться ими врагу. Лишь только стемнело, и

наградили орденом Красной Звезды.

Сейчас Михаил Романович продолжает трудиться на Малиновском известковом заводе токарем. На груди у прославленного воина орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За отвагу», «За оборону Москвы», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены».

В. ПЕТРОВ.
НА СНИМКЕ: токарь
М. Р. Яковлев.

— Такое случилось, что просто диву даешься сейчас...

— Лидия Николаевна внимательно посмотрела на меня, приглашая porozмыслить вместе и продолжила:

— После тяжелых боев выходили мы из окружения. Сначала днем шли. А он стоял до того ясный и солнечный, что вокруг километров на пять все было видно как на ладошке. И вот чуть в стороне от нашего маршрута показывается колонна немцев. Все ближе, ближе. Мы идем, она идет. Видим друг друга отчетливо. И одна только мысль, помню, была тогда: «Ну все, наконец сейчас всех за милую душу». И, вы знаете, так и разошлись. Без единого выстрела. После этого случая шли только ночами. И помню дикую усталость, когда прорвались к своим. Сутки вповалку все проспала. Никто нас не тревожил. Дали отдохнуть на полную катушку за наши труды.

Она награждена орденом. Немало медалей. Судя по ним, бывала, наверное, в переплетках и жесточе, пострашнее. Однако, продолжая разговор, Лидия Николаевна Ямченева повела рассказ о медали «За отвагу», опять пытаюсь найти объяснение тем давним мимолетным событиям войны.

— Это в то же время было Полк отходил от Харькова. Нашу батарею оставили для прикрытия. Одна пушка, и мы все при ней. Жестокий был бой. Тяжелый. Вражеские автоматчики метрах в пятистах. И вдруг снаряд около нашего орудия. Взрывом все провода порвало, разметало их. Подзаю под огнем, скручиваю. И даже не задумывалась над тем, что связь уже никому не нужна, не с кем ее держать. Как в этой кутерьме, в этой мясорубке могли заметить и оценить мои старания — непонятно. Все ведь более-менее опомнились, когда разбирали остатки орудия и начали выходить из окружения.

Мы сидим с ней в учительской пятой школы в окружении ее коллег, которые свободны в этот час от уроков. В коридорах и классах, до этого наполненных «под завязку» светлой неразберихой, шумом и гамом, установилась умнотворяющая тишина, распластающаяся с отвлеченному отдуху и забвению.

— Как отвлечешься от этого, как забудешь? Ведь это моя жизнь. И в прошлом, и в настоящем. Без

**РАССКАЗ
КОММУНИСТКА**

этого уже просто не смогу. Разве забудешь День Победы? Все как сейчас стоит перед глазами. Я даже помню запах щей праздничного обеда, который в тот же день нам приготовили. Представляете, из двух блюд. Такого за всю войну не бывало.

И была радость. Такая, что не расскажешь. Конеч войны, словом, Победили! Война закончилась для нее под Прагой. А началось в сорок втором под Ленинском.

— Немец наступал тогда сильно. На фронт мы пошли добровольцами. Так решили

одно время мечтала? Заболеть. Чтобы отлежаться, отоспаться в медсанбате вволю. Однако ни одна хвороба так и не взяла. Просто удивительно. В грязь, в снег, в зной и сыпкость, да еще под обстрелом порой — и ничего. Помню, в весеннее половодье все ходили в раленках. И никакой простуды ни у кого не было. Просто потра

сашоше. Удивительно и другое. Человек, девочка по сути, прошедшая всю войну — Вторым Украинским фронтом всем его нелегким боевым путем, после победы от законного отдыха отказалась. Третьего сентября сорок пятого она приехала с

ГВАРДЕЕЦ

все комсомолцы — старшеклассники нашей школы. Я тогда была в девятом. Досрочно сдали экзамены и шестьдесят человек подали заявления в военкомат. Просьбу всех удовлетворили...

Силащие в учительской преподаватели уже привыкли к нашему негромкому разговору и не сильно прислушивались к нему. Большинство их что-то писали свое, проверяли тетради, перешептывались, стараясь не мешать нам, и в тоже время, как говорится, краем уха все же ловили нить беседы. И вдруг все враз замерло. Мы смотрели друг на друга и видели, как «мурашки» у каждого из нас бежали по коже. В негромком, неторопливом рассказе Лидии Николаевны прозвучала фраза, заставившая всех «остолбенеть».

— Девять нас осталось в живых из шестидесяти. Три парня и шесть девочек. Да, всего девять...

— Страшно было? — робко спросил кто-то, стараясь прогнать навалившуюся на всех жуть.

— А вы знаете, — улыбнулась Лидия Николаевна, поняв наше состояние, — молодость бесстрашна. Это сейчас вот, предлагаю мне пройти тем же путем, я бы задумалась. А тогда нет. На боялась. И все ведь вокруг было такое. Молодые, лихие. Командиру полка нашей гвардейской дивизии было 23 года, а моему комбату — девятнадцать. А вот усталость была. Тяжело приходилось. Знаете, о чем

фронта домой, а пятого — уже пришла в ту же школу, где училась. Стала старшей пионерской вожатой.

В эти почти пятьдесят лет, которые протекли с того дня, вместились практически вся ее жизнь. О ней можно писать много. Ведь у каждого встречается что-то особенное, важное для тебя. Но сама Лидия Николаевна характеризует ее несколькими фразами:

— Школа. В этом вся я. Всю жизнь отдала детям. Учила их, училась сама. Сейчас на пенсии считаюсь, однако как трудилась раньше, так и работаю. Вроде бы все однообразно, без изменений. Внуков вот только прибавляется. Уже пятеро. Пусть они будут лучше нас!

Ей хочется в каждом из ребят воспитать целеустремленность, последовательность и убежденность в том деле, за которое она воевала, которое сейчас отстаивает коммунист Ямченева. Причем делает она это так же решительно, как шла раньше в бой. И судения ее при этом четкие.

— Не коммунист тот, кто добровольно выложил свой партийный билет. Приспособленец, поняв наше состояние, — молодость бесстрашна. Это сейчас вот, предлагаю мне пройти тем же путем, я бы задумалась. А тогда нет. На боялась. И все ведь вокруг было такое. Молодые, лихие. Командиру полка нашей гвардейской дивизии было 23 года, а моему комбату — девятнадцать. А вот усталость была. Тяжело приходилось. Знаете, о чем

В. НИКОЛАЕВ.

Ячменёва Лидия

Николаевна, телефонистка гвардейского артиллерийского полка 2-го Украинского фронта

Новое время_1989_
9 мая // Научно-справочная библиотека, № 57

Новое время_1998_
4 августа // Научно-справочная библиотека, № 71

Война враз перевернула девичью судьбу Ячменевой Лидии Николаевны. Незабываемые четыре дня оккупации, когда запорошенный снегом Елец, казалось, окаменел... В те декабрьские дни сорок первого года погиб их классный руководитель Краснов Всеволод Сергеевич. В мае 1942 года досрочно сдали выпускные экзамены и всем классом пришла в военкомат: "Отправьте на фронт!" В ответ: "Кому есть 18 лет - готовьтесь". Впрочем, долго готовиться не пришлось. В августе всем классом ушли на фронт.

Потери, потери... К ним невозможно привыкнуть. Из шестидесяти мальчишек и девочек в живых осталось только девять.

Всю войну прошла телефонисткой в составе гвардейского артиллерийского полка Второго Украинского фронта.

— В нашей батарее, — рассказывает Лидия Никола-

Связистка

евна, — нас было три девочки: санитарструктор и две связистки, я и моя школьная подружка Маша Радионовна.

Две катушки с проводом, по восемь килограммов каждая, карабин — и все на хрупких плечах девочек. Юные связистки передавали армейские сводки, ходили в наряды, обеспечивали безотказную работу аппаратуры. Довелось подругам выходить вместе из окружения, участвовать в величайшем сражении на Курской дуге. Лидия Николаевна вспоминает:

— Полк стоял под Белгородом в Никольском лесу с июня сорок третьего. Наша артиллерия обстреливала Белгород, в то время как немецкая авиация непрерывно бомбила наши позиции. Горел Никольский лес, столетние дубы выворачивало с корнем, много нашей техники погибло. Под огнем, в грохоте взрывов приходилось восстанавливать связь, скручивая разорванные и разметанные провода.

Затем была переправа через кровавый Днепр, радостное установление столба на границе с Румынией, счастье Дня Победы, который встретили в Вильнюсе. 3 сентября сорок пято-

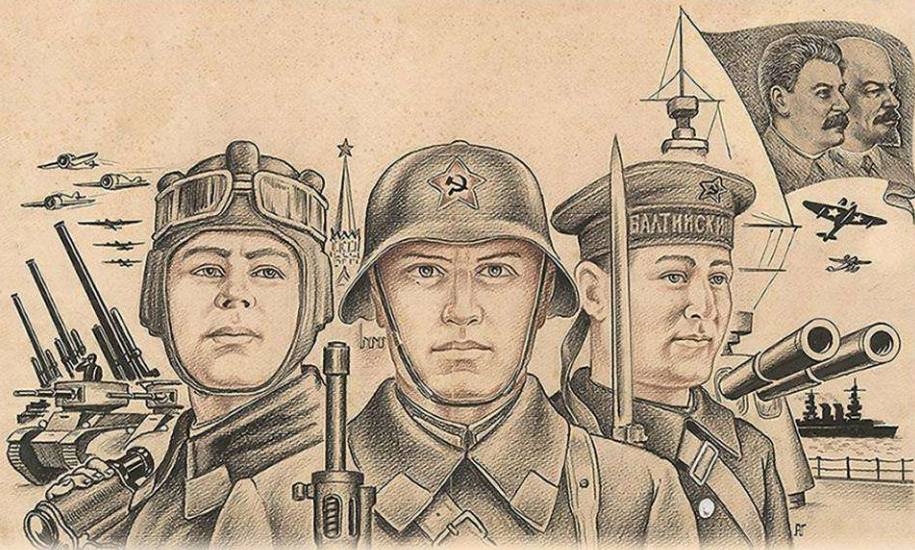
го года фронтовые подружки вернулись в родной Елец и дружат до сих пор, хотя по-разному сложились их судьбы. Лидия Николаевна от законного отдыха отказалась и уже пятого пришла в ту же школу, где училась. Стала старшей пионерской вожатой.

Решительная, целеустремленная, коммунист Ячменева с готовностью, как в бою, откликнулась на любой призыв партии. Нужно было идти работать к станку — шла к станку. Была бригадиром на табачной фабрике, два года училась по направлению в Тимирязевской академии, затем снова вернулась в школу к детям, учила их, училась сама.

Когда партия призвала молодежь на освоение целинных и залежных земель — пришла с мужем на Алтай. В 1971 году закончила Барнаульский педагогический институт, филологический факультет.

О Лидии Николаевне Ячменевой можно много рассказывать. Пройдя нелегкий фронтовой путь, она выбрала самую гуманную профессию — профессию учителя. Всю свою жизнь посвятила детям.

А. МЕЛЕЩУК,
гл. хранитель фонда
мемориала Славы.

Память человеческая строго
Дни считает, как бойцов в строю.
Знай же мир, что путь наш был нелёгок
К этому торжественному дню.
Подвиг – каждый шаг. И шаг за шагом
Сквозь потери, смерти, сквозь войну
Пронесли мы знамя до рейхстага
И вернули солнце и весну!..

Спасибо за внимание

Автор-составитель: Лукина М.М. – делопроизводитель администрации города Заринска

**Редактор: Вихарева С.А. – заведующий архивным отделом администрации
города Заринска**